Приволжский центр повышения квалификации и
профессиональной переподготовки педагогических кадров

Управление образования Исполнительного комитета
муниципального образования г.Казани

75 –летию Победы

100-летию ТАССР

Память

о них не померкнет

Казань

2020

УДК 372.882

ББК 74.200.51

Печатается по решению научно-методического совета
Управления образования ИКМО г. Казани

Авторы - составители:

Галеева И.Ш., старший методист Информационно-методического отдела Управления образования г. Казани, Заслуженный учитель РТ, Почетный работник общего образования РФ

Гузенфельд Р.Л., учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории МБОУ «СОШ №175» Советского района г. Казани, Почетный работник общего образования РФ

Рецензенты:

Волкова О.В., доцент Приволжского центра повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, к.п.н., Заслуженный учитель РТ

Родионова Е.Б., учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории МБОУ «СОШ №151» Кировского района г. Казани

Редакционная коллегия:

Галеева И.Ш., старший методист ИМО Управления образования г. Казани
Потанина М.А., методист ИМО Управления образования г. Казани
Бачуров В.А., инженер ИМО Управления образования г. Казани

Память о них не померкнет. – Казань: Управление образования ИКМО г.Казани, 2020. – 96 стр.

В данном сборнике, созданном к 80 –летию Великой Отечественной войны и 75-летию со дня Победы, содержатся материалы о писателях-фронтовиках, чья жизнь и творчество были связаны с нашим городом и республикой Татарстан. Публицистические и художественные произведения этих авторов представляют большую ценность как свидетели той героической эпохи.

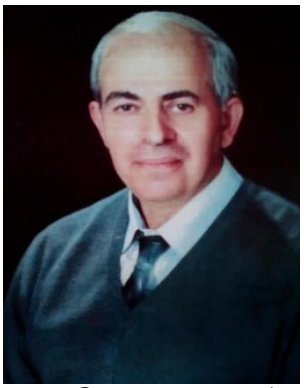
Данная информация может быть использована учителями-предметниками и классными руководителями для проведения внеурочных занятий и внеклассных мероприятий, для организации проектной деятельности обучающихся.

© Управление образования ИКМО г.Казани, 2020

Великая Отечественная война 1941-1945. Вечная память!

Мы не должны забывать, какой ценой была достигнута наша победа, какой ценой был сохранен мир. Нашему поколению стоит брать пример с еще живых и почитать уже ушедших от нас героев Великой Отечественной войны. Они подарили всем нам будущее. А без знания своего прош лого никогда не будет будущего. Вечная память героям Великой Отечественной войны, и огромное спасибо им. Это меньшее из того, что можем сделать мы для них! Помнить!

Слово об учителе – гражданине



Исследователь, краевед, учитель, публицист. Все эти слова мы смело относим удивительному человеку, жителю г. Казани, гражданину Республики Татарстан Гузенфельду Роману Львовичу.

Выпускник Казанского государственного университета, учитель русского языка и литературы, он «глаголом жжет» сердца своих воспитанников, преподнося им уроки обращения со словом, превращая книгу в культ интеллигентности, а встречу с ней – в уроки жизни.

Гузенфельд Роман Львович – ветеран педагогического труда, Отличник общего образования Российской федерации.

Коллеги знают Романа Львовича как требовательного к себе и к ученикам педагога, интересного собеседника, творческого человека, который неоднократно становился победителем городского конкурса «Вдохновение» в номинации «Публицистика». Особую гордость мы испытываем за его многочисленные краеведческие работы, которые раскрывают место и роль нашего края в жизни и творчестве российских писателей и поэтов.

Сотни выпускников Романа Львовича с благодарностью вспоминают его уроки литературы, доброе, чуткое отношение как к коллегам, так и к ученикам. Воспитание любви к книге как символу культуры, к знаниям, формирование ценностных личностных качеств гражданина-патриота своей страны, уважение к культуре народов России – отличительные черты уроков Гузенфельда Р.Л., кредо его как учителя и воспитателя подрастающего поколения.

Выпускники школы №83 (а ныне лицея №83 Приволжского района г. Казани) с большой благодарностью и признательностью вспоминают учителя русского языка и литературы Гузенфельда Романа Львовича, чуткого, отзывчивого, одновременно строгого и справедливого, который заботился о них, как о собственных детях. С тех пор прошло много времени. Но не забыть тех лет. На уроки всегда хотелось идти с радостью. Они были познавательны и интересны. «Мы не могли пойти на урок неподготовленными, нам было интересно вступить в диалог с учителем и одноклассниками, а для этого нужно было знать материал и иметь свою точку зрения, – вспоминает Юлтыева Наталья Евгеньевна. – Роман Львович смог сделать так, чтобы русский язык и литература стали одними из любимейших нами предметов в школе. Но не только знание языка дал нам Роман Львович, он помог адаптироваться к жестким условиям этого мира, в котором побеждает сильнейший. Мы очень любили своего учителя и знали, что он поможет в любой ситуации, спокойно выслушает, поддержит, приободрит. Именно Роман Львович дал нам понять, что нельзя опускать руки, потому что нерешаемых проблем нет, что никогда нельзя отчаиваться. Жизнь – это не черное или белое, жизнь – это буйство красок, и нельзя забывать, что наш мир – прекрасен».

Галеева И.Ш., ст. методист ИМО Управления образования г. Казани

«Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда об этом не забудем!»
А.Твардовский

Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. явилась серьезным испытанием единства советского народа, сплоченности людей всех национальностей СССР. Свой вклад в борьбу против немецкого фашизма, в Великую Победу внесли татарстанцы. Около 700 тысяч жителей Советской Татарии ушли на фронт, половина из них не вернулась с полей сражений. Поэты и писатели республики не остались в стороне от народной войны: около 40 членов Союза писателей ТАССР (Союз писателей насчитывал 50 человек) ушли на фронт. Руководство Союза писателей СССР было озабочено этим фактом и предприняло меры (письмо секретаря Союза писателей А.Фадеева), чтобы часть писателей вернуть и отправить в тыл. Однако ни один из творческих работников писательской организации Татарии не принял этого предложения. Более половины состава Союза писателей республики погибло на полях сражений, было замучено в плену, в концлагерях. Среди них поэт-герой М.Залилов (Джалиль), Ф.Карим, Р.Кутуй, А.Алиш, Н.Баян. Р.Ильяс, М.Аблеев, В.Мифтахов, К.Басыров, М. Гаязов, Х.Рахман, Р.Саттар, Д.Фатхи, А.Камал.

Многие фронтовики состоялись как поэты и прозаики в пламени войны: Г.Паушкин, Ю.Белостоцкий, Я.Винецкий. Н.Даули. Чей-то писательский дебют состоялся до 41-го года, но именно суровые годы военной поры стали основной вехой в их творческой биографии.

Выдающийся русский поэт-фронтовик Алексей Сурков, хорошо знавший татарских писателей, сказал, что «татарская поэзия – поэзия солдатская». Дело не только в том, что в боях за Родину на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов сражались почти все писатели Татарстана того времени – 105 человек, большинство из которых составляли поэты. Скорее всего, татарская поэзия военных и послевоенных времён мощно воспевала солдатский дух советского народа, вставшего на защиту своей свободы.

Самый старший из писателей-воинов был 1896 года рождения, а самый молодой – 1927-го. Они воевали на всех фронтах войны. Несколько татарских писателей оставили подписи на стенах Рейхстага.

Заметки из вещмешка

Первая фронтовая газета на татарском языке «За Родину!» вышла 11 июля 1942 года на Северо-западном фронте. К осени внештатным поэтом в редакцию пригласили **Шарафа Мударриса**. Редакция размещалась в эшелоне.

«Отец рассказывал, что это был огромный эшелон, спрятанный в лесу, – вспоминает **Альфия Мударрисова, дочь поэта**. – В одном вагоне набирали тексты, в другом – находились редакции, в третьем – типография и так далее. Отец писал, что эшелон был надёжно укрыт. Рельсы протянули прямо в сосновый бор. Поэтому и объект назвали по-военному «Сосна». Работать здесь было спокойнее. Рядом работали русские журналисты, а в соседнем с отцовским купе день и ночь, никуда не выезжая, строчил статьи Сергей Михалков».

Писатели-фронтовики.

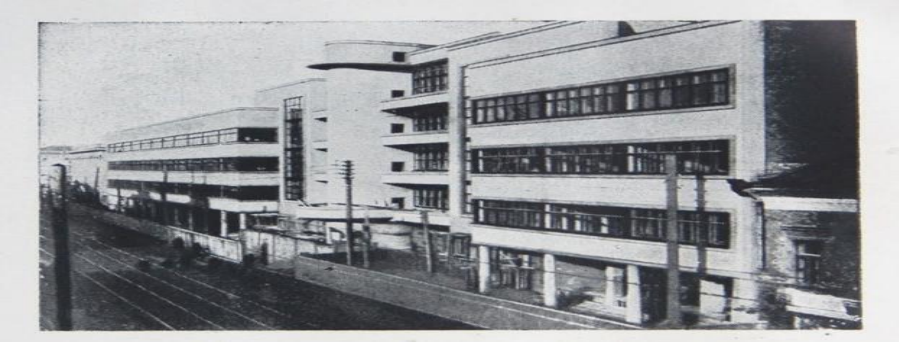
Слева направо. 1 ряд: Абдурахман Абсалямов, Афзал Шамов, Халик Садри, Хасан Шабанов; 2 ряд: Амирхан Еники, Усман Бакир, Абдулла Ахмет, Асгат Айдар, Хатиб Усман

31 писатель погиб, их могилы рассыпаны почти по всей Европе.

Сегодня в здании Союза писателей Татарстана на Стене памяти увековечены имена павших на полях сражений, замученных в фашистских застенках имена писателей – славных сыновей своей Родины. Вечная им память!

В год 75-летия Великой Победы мы хотим отдать дань памяти тем, кто на полях сражений, говоря словами К.Симонова, «лейкой» и блокнотом, а то и пулеметом внес свой героический вклад в нашу общую победу над врагом.

«Нас всех приютила Казань»
Союз писателей СССР в Казани



Казань издавна была прочно связана с именами многих российских писателей, которые либо учились (И.Аксаков, Г.Державин, Л.Толстой, Мельников-Печерский, П.Боборыкин), либо жили в нашем городе (М.Горький, А.Толстой, М.Загоскин), но так или иначе заняли свое место в культурном коде нашего города.

В суровые годы Великой Отечественной войны Казань стала не только важнейшим арсеналом страны, вооружавшим, одевавшим, кормившим и лечившим защитников Отечества, но и приобрела важное научно – техническое и культурное значение. Наряду с переездом в Казань научных учреждений АН СССР (5000 деятелей науки с семьями), в Казань был эвакуирован и аппарат Союза писателей страны. С осени 1941 по лето 1943 в столице Татарии и в городе Чистополе (145 км от Казани) жили и работали многие советские писатели и члены их семей. Жители этих двух городов зачастую были первыми слушателями и читателями замечательных произведений прозы и поэзии таких мастеров, как А.Толстой, К.Паустовский, В.Инбер, М.Алигер, С.Маршак, А.Сурков, К.Федин, Н.Асеев, М.Исаковский.

Дом печати на улице Н.Баумана стал центром, «штабом» Союза советских писателей. Помещение клуба имени великого поэта, «татарского Пушкина» Г.Тукая долгое время служило в качестве общежития для многих писателей и эвакуированных в наш город членов их семей.

В городе Чистополе роль штаба СП играл Дом учителя (ул.К.Маркса, д.34).

Литературно-мемориальный музей «Дом учителя» располагается в историческом здании, в котором в годы Великой Отечественной войны размещалось отделение Союза Советских писателей и проводились практически все писательские собрания, литературные и музыкальные вечера и творческие встречи. Дом учителя был своеобразным культурным центром тылового Чистополя и собирал всех писателей (и живших в городе, и приезжавших с фронта), членов их семей. Здесь бывали Борис Пастернак, Леонид Леонов, Николай Асеев, Константин Федин, Александр Фадеев, Александр Твардовский, Мария Петровых, Александр Гладков, Константин Тренёв, Михаил Исаковский и многие другие. В чистопольском Доме учителя в члены Союза писателей были приняты Виктор Боков, Александр Гладков, Лев Ошанин и Мария Петровых. На сцене актового зала Дома учителя неоднократно ставили пьесы, написанные в Чистополе в годы Великой Отечественной войны.

В Литературно-мемориальном музее «Дом учителя» сохранились элементы интерьера и экстерьера, которые «помнят» известных эвакуированных: двери, которые открывали писатели, лестницы, по которым они поднимались и спускались, держась за те самые перила, балкон, залы, кабинеты… Стены Дома учителя помнят голоса писателей и аплодисменты зрителей, приходящих на выступления. Практически любые воспоминания писателей содержат сведения о Доме учителя и мероприятиях, проводившихся там.Там каждую неделю собирались члены Союза, устраивались творческие вечера, встречи с читательской общественностью. Иногда вечера были платные, и весь сбор шел в фонд обороны страны.

Остановимся на некоторых малоизвестных сегодняшнему поколению фактах пребывания известных деятелей культуры в нашей республике.

Друг В.Маяковского поэт Н.Асеев (1889-1958) практически целый год – до осени 1942 жил в г.Чистополе, часто наезжал в Казань, выступая как автор и чтец на литературно-художественных вечерах. Его известный сборник стихотворений «Поэма победы» был написан во время пребывания на земле Татарстана.

ВТОРЖЕНИЕ

Как саранча
на цветущие ветви,
налетели
насильники эти;
люди без слова,
лица без чести —
все, что есть злого,
сплавилось вместе;
все нелюдское в них,

незнакомое:
может, действительно
насекомые?!

Обглодано лето
и зелень примята
в треск мотоциклов
и в дрожь автоматов;
смотровые щели
презрительно узки,
зрачки на прицеле,
и пальцы на спуске.

Железным напором,
бездушным парадом —
по нашим просторам,
по свежим прохладам
двигалась танков
сила тупая…
Наши отстреливались,
отступая.
Смертельной механики
призрак зловещий —
вонзались их клинья
и ширились клещи.

Холодным расчетом,
бездушным парадом,
как бы выдыхая
бензиновым чадом,
спортивной походкой,
загаром на теле
они
на колени швырнуть нас
хотели.
Но мы, изловчась
из последних усилий,
их клещи
зубами перекусили!
И, сами влачась
по кровавому следу,
пошли отвоевывать
нашу победу.

Поэт сотрудничал в газетах «Прикамская коммуна» (г.Чистополь), помещая свои стихи и очерки (воспоминания о встречах с Маяковским, с Горьким), «Красная Татария», принял участие в издании литературного альманаха «Кровь за кровь». Поэт с любовью вспоминал о Чистополе: «Судьба рядовых советских людей стала мне близка именно после пребывания в Чистополе. И за это я благодарен ему от души. Он стал мне воспитателем в зрелые годы».

Спасибо тебе, городок на Каме.
Далекий, надежный советский тыл.
Что с нашею прозою и стихами
Ты нас не обидел и приютил.

Николай Асеев вспоминал Казань и в поэме «Маяковский начинается».

В Чистополе почти 2 года жил автор легендарной «Катюши» поэт-песенник М.Исаковский.Здесь поэт создал десятки стихотворений, в том числе широко известные «Ой, туманы мои», «Крутится, вертится шар голубой», «Калина», «Мстители», «Огонек», «Старик», «Наказ сыну».

Один из создателей советской литературы писатель Л. Леонов также в 1941-1942 жил в Чистополе вместе с семьей. Именно здесь он написал свою известную пьесу «Нашествие».

Около месяца находился в Казани секретарь писательского Союза А.Фадеев. Жил он в квартире скульптора С. Ахуна. Семья писателя жила в Чистополе. Жена, народная артистка А.Степанова, руководила коллективом эвакуированной труппы ленинградских артистов, вела драмкружок в городском Доме учителя. В октябре 1941 года А.Фадеев выступил на совещании татарских писателей, говорил о творчестве писателей – фронтовиков, их вкладе в дело борьбы с фашизмом.

Видный советский писатель К. Федин возглавил филиал Союза писателей в Чистополе. В городском Доме учителя проходили «писательские вторники», на которых прозаики и поэты делились творческими планами, читали свои произведения, встречались с читательской общественностью. Здесь К.Федин написал военную пьесу «Испытание чувств», задумал первые главы своей трилогии «Первые радости».

«Казань для меня город почти родной. Здесь я учился, здесь произошло мое литературное «боевое крещение», здесь пережил первую любовь»,- говорил А.Толстой, будучи в Казани зимой 1941 года. В газете «Красная Татария» была напечатана статья писателя «Москве угрожает враг». «Придет время, и я напишу о героизме в войне представителей татарского народа»,- обещал казанцам писатель.

Поэтесса В.Инбер приезжала в Чистополь к дочери. Здесь чистопольцы впервые услышали строки ее бессмертной поэмы о мужестве города на Неве «Пулковский меридиан». С большой теплотой поэтесса писала о городе на Каме в книге «Почти три года».

19 июля 1942 года Казань. Аэропорт

Сижу в гостинице при аэропорте. Точнее – это нечто вроде общежития, где в каждой комнате по нескольку кроватей.

Погода – не приведи бог! Беспросветный дождь, холодный, порывистый ветер. Не нужно быть синоптиком, чтобы понять смысл всего этого: лететь нельзя. А вчера сюда долетели прекрасно, но поздно. На западе все небо было огненно-красным, и я подумала, что это к непогоде. Так оно и вышло.

Кроме скверной погоды, тут на аэродроме еще горе. Вчера утром разбился «У-2» и два летчика на нем.

Сегодня погибших хоронили. Отсюда увезли на кладбище лопасти винта, увитые кумачом и цветами.

Ночью проснулась от сильнейшей грозы. Удары грома сотрясали здание. Эвакуированная девочка, спавшая с матерью на одной из кроватей, плача, спрашивала:

– Мама, кто это стреляет?

Итак, я в трех шагах от Жанны, но самолета нет, а на пароход я не отваживаюсь: слишком долго и сложно. Авось, распогодится.

Сумерки

Бурный оранжевый горизонт под синими, быстро несущимися тучами. Небо как бы находится в состоянии бегства: все тучи убегают в одну сторону. Дождя уже нет, но что будет завтра? Только что снова ходила к начальнику аэропорта и получила ответ:

– Завтра отправим непременно.

Радио не слыхала, но мне сказали, что мы оставили Ворошиловград. Я заметила, что плохие известия в Ленинграде легче переносимы, чем здесь.

20 июля 1942 года. Утро

Обидно: ведь лёту всего 40 минут. Уж лучше бы поехала пароходом.

Но утро сейчас чудесное. В небе ни одного облачка – все разогнал ветер. Сейчас снова пойду к начальнику.

Днем

Я все еще здесь. Самолета нет, погода портится с каждой минутой. Обещают на половину пятого, но я уже плохо верю.

Повезет меня «У-2». Ведь пассажирского сообщения тут нет: только оказия – почтовая или санитарная.

22 июля 1942 года. Чистополь

Я прилетела сюда под вечер, когда меня уже не ждали. Шла с аэродрома тихими захолустными улицами, овеянными луговым ветром. Когда-то я была в Чистополе – во время агитоблета в 1924 году. Думала ли я, что побываю здесь снова? И что в здешней земле будет похоронен ребенок моего ребенка.

Привез меня сюда почтовый самолетик. Пилот была женщина. Механик, отправлявший машину, – тоже женщина. Самолетик шел по земле так долго, что я начала опасаться, не дойдем ли мы таким манером до самого Чистополя? Но вспомнила, что по дороге Кама.

На «У-2» чувствуешь себя, как на этажерке. Кругом воздух, ветер, пустота. Никакой устойчивости. Воздушная дорога была вся в ямах и рытвинах. Громадное солнце шло к закату. Мы летели над Камой, аромат лугов подымался даже сюда, в высоту.

Начальник Чистопольскою аэродрома, тоже женщина, стоя по пояс в траве, взяла наш «У-2» за крыло, как журавля, и остановила его.

На прощанье я пыталась угостить своего пилота папиросами. Оказалось, она не курит. Я предложила полбутылки хорошего красного вина. Нет, она и не пьет. Тогда я, после минутного колебанья, вытащила из кармана пальто непочатую губною помаду. И мой пилот не устоял: смущенно улыбаясь, взял.

23 июля 1942 года

Мне тяжело здесь. Жалко Жанну, а взять ее в Ленинград не могу решиться. Сама я с трудом привыкаю к мирной жизни. Вчера, увидав из окна, что какая-то женщина с ребенком бежит по улице, я подумала: «Как же это я не услышала тревоги?» Оказалось – строптивая лошадь сорвалась с привязи и напугала прохожих.

Удивительно мне, что по вечерам нет затемнения. По привычке все сажусь подальше от стекол.

Сегодня вечером мое большое выступление. Буду читать «Пулковский».

24 июля 1942 года

На моем вечере народу было множество: пришли все наши чистопольцы. Точнее, москвичи, собранные здесь войной. В президиуме: Исаковский, Пастернак, Сельвинский, Асеев. Необычно все это было.

Я очень волновалась, но не так, как всегда, а иным, более глубоким, более… как бы это сказать… ответственным волнением… В каком-то смысле я выступала здесь от имени Ленинграда. Все ждали от меня именно этого.

Проходы между стульями, подоконники – все было полно. Двери были раскрыты настежь: там тоже стояли.

Осыпанная звездами, сухая, жаркая (не такая, как в Ленинграде) ночь глядела в незатемненные окна.

Я говорила и читала хорошо, хотя читать мне было трудно, особенно III главу поэмы, где говорится о смерти ребенка.

Я остановилась, помолчала минуту. И в жаркой тишине услыхала взволнованное, неровное дыхание десятков людей.

Я старалась… мне хотелось через все это пространство, через пол-России, протянуть сюда, придвинуть вплотную к этому тихому прикамскому городку

гранитную громаду Ленинграда, смутно освещенную сейчас уже догорающими белыми ночами.

Я рассказывала о ленинградских людях, о женщинах, о фронтовиках, о детях… о мальчике, который, плача, гасил песком зажигательную бомбу. Он боялся, ему было только девять лет. Но, плача, он все же гасил ее.

Когда я окончила, все бросились ко мне, обступили меня, пожимали руки. Все это было мне за Ленинград.

26 июля 1942 года. Пристань. Устье-Камское

Вот и кончился Чистополь. Вчера провели на аэродроме целый день, но ничем не могли там воспользоваться, за исключением дивного воздуха, пропитанного полынью, и холодного молока из погреба. Ни один самолет не взял нас, да их и было очень мало. Я добилась по телефону лошади, и мы поехали через весь город на пристань. Прождав там с часу дня до часу ночи в маленькой чистенькой комнатке речного вокзала (это помещеньице напомнило мне квартиру Пеготти в «Давиде Копперфильде»), мы сели на пароход. Будем в Казани сегодня днем.

Еще до появления в печати глав поэмы «Василий Теркин» поэт А.Твардовский представил их на суд коллегам и читателям в Доме учителя г.Чистополя зимой 1941 – весной 1942 года.

Поэт-песенник Л.Ошанин тоже «отметился» на нашей земле.

В час, когда засыпают квартиры Казани,
После работы привычке верна,
Вяжет теплые варежки девушка Таня,
Отрывая минуты недолгого сна.

– пишет поэт в стихотворении «Песня о тепле». Л.Ошанин принял участие в выпуске литературно-художественного сборника «Кровь за кровь», поместив в нем свои стихи.

Известный – второй по значимости после К.Симонова – военный прозаик В.Гроссман летом 1942 года прочел в Чистополе первые главы повести «Народ бессмертен».

I. Август

Летним вечером 1941 года по дороге к Гомелю шла тяжёлая артиллерия. Пушки были так велики, что многоопытные, всё видавшие обозные с интересом поглядывали на колоссальные стальные стволы. Пыль висела в вечернем воздухе, лица и одежда артиллеристов были серы, глаза воспалены. Лишь немногие шли пешком, большинство сидело на орудиях. Один из бойцов пил воду из своего стального шлема, капли стекали по его подбородку, увлажнённые зубы блестели. Казалось, что номер артиллерийского расчёта смеётся, но он не смеялся – лицо его было

задумчиво и утомлённо. «Воздух!» – протяжно крикнул шедший впереди лейтенант.

Над дубовым леском в сторону дороги быстро шли два самолёта. Люди тревожно следили за их полётом и переговаривались:

– Это наш!

– Нет, немец.

И, как всегда в таких случаях, была произнесена фронтовая острота:

– Наш, наш, где моя каска!

Самолёты шли наперерез дороги, и это значило, что они наши: немецкие машины обычно, завидя колонну, разворачивались на курс, параллельный дороге.

Мощные тягачи волокли орудия по деревенской улице. Среди белых мазаных хаток, маленьких деревенских палисадников, засаженных курчавым золотым шаром и красным, горящим в лучах захода, пионом, среди сидящих на завалинках женщин и белобородых стариков, среди мычания коров и пёстрого собачьего лая, странно и необычно выглядели огромные пушки, плывущие по мирной вечерней деревне.

Возле небольшого мостика, стонавшего от страшной, непривычной тяжести, стояла легковая машина, пережидавшая, пока пройдут пушки. Шофёр, привыкший, очевидно, к такого рода остановкам, с улыбкой оглядывал пьющего из каски бойца. Сидевший рядом с ним батальонный комиссар то и дело смотрел вперёд – виден ли хвост колонны.

– Товарищ Богарёв, – сказал шофёр с украинским выговором, – может, поночуем здесь, а то стемнеет скоро.

Батальонный комиссар покачал головой.

— Надо спешить, — сказал он, — мне необходимо быть в штабе.

— Всё равно ночью не проедем по этим дорогам, в лесу ночевать будем, — сказал шофёр.

Батальонный комиссар рассмеялся.

— Что, молока захотелось?

— Ну, и что же, ясное дело — выпить молока, картошки бы жареной поели.

— А то и гусятины, — сказал батальонный комиссар.

— А хиба ж нет? — с весёлым энтузиазмом спросил шофёр.

Вскоре машина выехала на мост. За ней побежали белоголовые ребятишки.

— Дядьки, дядьки, — кричали они, — возьмите огурцов, возьмите помидоров, возьмите грушек, — и они бросали в полуспущенное окно автомобиля огурцы и твёрдые, недозрелые груши.

Богарёв помахал ребятам рукой и почувствовал, что холодок волнения проходит по его груди. Он не мог без горького и одновременно сладкого чувства видеть, как провожали крестьянские ребятишки отступающую Красную Армию.

Сергей Александрович Богарёв до войны был профессором по кафедре марксизма-ленинизма в одном из московских вузов. Исследовательская работа увлекала его, он старался поменьше уделять часов чтению лекций; главный интерес Богарёва был в исследовании, начатом им года два тому назад. Приходя с работы домой и садясь ужинать, он вытаскивал из портфеля рукопись и читал её. Жена расспрашивала его, по вкусу ли ему еда, достаточно ли посолена яичница, он отвечал невпопад; она сердилась и смеялась, а он говорил: «Знаешь, Лиза, я сегодня испытал подлинное наслаждение — читал письмо Маркса, его лишь недавно откопали в одном старом архиве».

И вот Сергей Александрович Богарёв — заместитель начальника отдела Политуправления фронта по работе среди войск противника. Иногда ему вспоминаются прохладные залы институтского хранилища рукописей, стол, заваленный бумагами, лампа под абажуром, поскрипывание подвижной лестницы, которую передвигает заведующая библиотекой от одной книжной полки к другой. Иногда в мозгу его всплывают отдельные фразы из не дописанной им работы, и он задумывается над вопросами, так живо и горячо волновавшими его.

Машина бежит по фронтовой дороге. Пыль тёмная, кирпичная, пыль жёлтая, мелкая серая пыль, — от неё лица кажутся мёртвыми, тучи пыли стоят над фронтовыми дорогами. Эту пыль поднимают сотни тысяч красноармейских сапог, колёса грузовиков, гусеницы танков, тягачи, орудия, маленькие копытца овец, свиней, табуны колхозных лошадей, огромные стада коров, колхозные тракторы, скрипящие подводы беженцев, лапти колхозных бригадиров и туфельки девушек, уходящих из Бобруйска, Мозыря, Жлобина, Шепетовки, Бердичева. Пыль стоит над Украиной и Белоруссией, пыль клубится над советской землёй. Ночью тёмное августовское небо багровеет злым румянцем деревенских пожаров. Тяжкий гул разрывов авиабомб прокатывается по тёмным дубовым и сосновым лесам, по трепетному осиннику; зелёные и красные трассирующие пули прошивают тяжёлый бархат неба, как белые искры, вспыхивают разрывы зенитных снарядов, нудно гудят в высоком мраке «Хейнкели», груженные фугасными бомбами, кажется, звук их моторов говорит: «ве-з-зу, ве-з-зу». Старики, старухи, дети в деревнях, хуторах, провожая отступающих бойцов, говорят им: «Молочка выпейте, голубчики… Съешь творожку, пирожок возьми, сынок… Огурчиков на дорогу». Плачут, плачут старушечьи глаза, ищут среди тысяч пыльных, суровых, утомлённых лиц лицо сына. И протягивают старухи белые узелки с гостинцами, просят: «Бери, бери, голубчик, все вы в моём сердце, как дети родные».

Немецкие полчища двигались с запада. На германских танках нарисованы черепа с перекрещенными костями, зелёные и красные драконы, волчьи пасти и лисьи хвосты, рогатые оленьи головы. Каждый немецкий солдат несёт в кармане фото-

графии побеждённого Парижа, разрушенной Варшавы, опозоренного Вердена, сожжённого Белграда, захваченного Брюсселя и Амстердама, Осло и Нарвика, Афин и Гдыни. В каждом офицерском бумажнике — фотографии немецких девиц и женщин с чёлками и локонами, в полосатых пижамных штанах; на каждом офицере амулеты — золотые побрякушки, ниточки кораллов, набивные чучелки с жёлтыми бисерными глазками. У каждого в кармане русско-германский военный разговорник с простыми фразами: «Руки вверх», «Стой, ни с места», «Где оружие?», «Сдавайся». Каждый немецкий солдат заучил: «Млеко», «Клеб», «Яйки», «Коко», «дз-дз» и слово «Давай, давай». Они шли с запада.

И десятки миллионов людей поднимались навстречу им со светлой Оки и широкой Волги, с суровой жёлтой Камы и пенящегося Иртыша, из степей Казахстана, из Донбасса и Керчи, из Астрахани и Воронежа. Народ поднимал оборону, десятки миллионов верных рабочих рук копали противотанковые рвы, окопы, блиндажи, ямы. Шумные рощи и леса ложились молча тысячами своих стволов поперёк шоссейных дорог и тихих просёлков, колючая проволока оплетала заводские и фабричные дворы, железо обращалось противотанковыми ежами на площадях и улицах наших милых зелёных городков.

Автор легендарной поэмы «Зоя» М.Алигер в военные годы жила в Казани (ул.К Маркса, д.44, к.2). Эти годы поэтесса вспоминала в стихотворении «Из Казанской тетради».

С пулей в сердце я живу на свете.
Мне ещё не скоро умереть.
Снег идёт.
Светло.
Играют дети.

Можно плакать.
Можно песни петь.

Только петь и плакать я не буду.
В городе живем, а не в лесу.
Ничего, как есть, не позабуду,
Всё, что знаю, в сердце пронесу.

Спрашивает снежная, сквозная,
Светлая казанская зима:
- Как ты будешь жить?

- Сама не знаю.
- Выживешь?
- Не знаю и сама.
-Как же ты не умерла от пули?
- От конца уже невдалеке,
Я осталась жить не потому ли,
Что в далёком камском городке
Там, где полночи светлы от снега,
Где лихой мороз берёт своё.
Начинает говорить и бегать
Счастье и бессмертие моё.

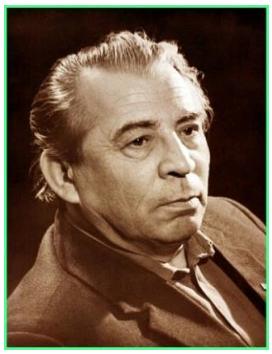
- Как же ты не умерла от пули,
Выдержала огненный свинец?-
Я осталась жить не потому ли,
Что, когда увидела конец,
Частыми, горячими словами
Сердце мне успело подсказать
Что смогу когда-нибудь стихами
О таком страданье написать.

- Как же ты не умерла от пули,
Как тебя удар не подкосил?
- Я осталась жить не потому ли
Что, когда совсем не стало сил,
Увидала с дальних полустанков
Из забитых снегом тупиков
За горами движущихся танков,
За лесами вскинутых штыков
Занялся, забрезжил день победы
Землю осенив своим крылом

Сквозь свои и сквозь чужие беды
В этот день пошла я напролом.

За время жизни в Казани М.Алигер встречалась с читателями в Доме ученых, в клубе Менжинского, вела литературные вечера, переводила на русский язык произведения татарских авторов.

Частью истории литературы стало пребывание Бориса Пастернака в Чистополе, где поэт интенсивно работал, создавая свои шедевры, в том числе великолепные переводы, включая великого Шекспира. Пребывание Б.Пастернака увековечено усилиями чистопольцев, воссоздана квартира поэта, превращенная в музей. Думается, настала пора увековечить пребывание писателей и поэтов, нашедших радушный прием на земле Татарстана.



«Я остаюсь на земле»
Наби Даули (1910 – 1989)

Среди татарских писателей были в немецком плену трое: Муса Джалиль, Абдулла Алиш и Наби Даули. И только один из них вернулся живым – Наби Даули.

Член Союза писателей Татарии Наби Даули (Набиулла Хасанович Давлетшин) уже через два дня после объявления войны ехал в воинском эшелоне на фронт. Поэт не стал дожидаться всеобщей мобилизации и после настойчивых требований с его стороны добился отправки на фронт.

Позади остались суровое сиротливое детство, батрачество на кулаков-мироедов, детская трудовая колония-коммуна, работа на заводах Донбасса. Судьба улыбнулась юноше, приведя его в Казань – культурную мекку для тюркоязычной молодежи. Пригодился ранний опыт: подростком Набиулла печатал свои юношеские, еще незрелые стихи на родном языке в шахтерской газете «Пролетарий». Впереди была интересная работа в молодежной газете «Яшь сталинчы» (позже «Татарстан яшьлэре»). Выходят сборники стихов и очерков, за плечами учеба в пединституте. Наби Двули становится одним из самых молодых членом Союза писателей СССР. И вот война. Младший командир Н.Давлетшин служит в разведке, добывая важные сведения для командования во время тяжелых оборонительных боев в самые тяжелые месяцы войны. Август 41-го. В составе разведгруппы, выходя из окружения, поэт попадает в плен.

Вдали от Родины

О, сколько еще не пройдено?!
Закрылась вагона дверь.
Прощай, дорогая Родина,
Куда нас везут теперь?

Постригли и «обилетили»,
Оттиснули пальцы рук,

Кружка воды

Успею ли поведать вам об этом,
Пока еще часы мои идут?
Я помню скорбь обугленного лета
И лающее «русские, капут1»

Печально колосился хлеб несжатый
На белорусской выжженной земле,

«Какое это столетие?» -
Шептал перед смертью друг.

Ни формы теперь, ни звездочек,
Хранивших пожар войны.
Как будто до самых косточек
На рабство обречены.

Уж лучше бы в окружении
Не выйти из-под огня!
И плакало отражение,
Не узнавая меня.

Звенят топоры с лопатами,
И земли в ответ гудят.
Дорога до сорок пятого-
Сквозь каменоломен ад.

И рано поседевшие солдаты
Брели по окровавленной золе.

Вели нас по деревне друг за дружкой
Упавших отправляя на покой…
Не позабыть растоптанную кружку,
Протянутую детскою рукой.

О, страшное беспомощное время,
Оно палач, оно не исцелит,
Глаза закрою- на краю деревни
И день, и ночь – та девочка стоит.

Череда лагерей привела в концлагерь Бухенвальд – Дора. Активный участник антифашистского подполья, действовавшего в лагере, Наби в 1945-ом успешно бежал из плена с двумя своими товарищами. Но между августом 41-го и апрелем 45-го были месяцы и годы борьбы за выживание, безуспешные попытки побега. Бесценный опыт выживания, героической борьбы в неволе Наби Даули опишет уже после войны в автобиографическом романе «Между жизнью и смертью», где от первого лица автор повествует о невыносимых муках и героическом сопротивлении узников одного из самых жестоких фашистских концлагерей.

Памяти друзей, погибших в фашистской неволе
в годы Великой Отечественной войны, посвящает автор.

Часть первая
ПИСЬМО МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ

(Вступление)

На войне я был рядовым солдатом. И скажу наперед, я не собираюсь обсуждать стратегические планы и боевые действия той поры. Мне это не по силам. Но я твердо знаю одно: война была навязана нам насильственно, и мы вышли на справедливый бой, чтобы оградить родную землю от врага и защитить свободу своего народа. Мы вынуждены были убивать, чтобы не быть убитыми.

Что могло ожидать нас в порабощенной стране? Муки унижений и позора, одни только муки! И советский солдат, выполняя свой долг, оставался верным родине до конца.

Силы вначале были неравны. Предательское нападение Гитлера было неожиданным, и ситуация сложилась для нас очень тяжелая. Фашистские армии быстро продвигались по нашей земле. В эти дни я вместе с тысячами моих товарищей оказался во вражеском окружении.

То было еще не поражение, а лишь одна из временных неудач. Кто был на войне, хорошо знает, что боевая обстановка меняется с каждым днем.

Положение, сегодня угрожавшее гибелью, завтра могло обернуться совсем иначе. Нам было известно только, что враг окружил нас и пути к отступлению отрезаны. Но мы не пали духом. Ведь под ногами родная земля, вокруг – наши села, свой народ... Конечно, на войне может убить любого. Об этом невольно начинаешь подумывать уже с момента получения повестки на фронт. На войне надо ожидать немало и других неприятностей. Однако нам и в голову не приходило, что можно оказаться во вражеском плену.В самом деле, шли еще только первые месяцы войны. Наша армия еще не успела развернуть свои силы. Мы ждали, что к нам придут на выручку и вражеские войска, окружившие нас, сами окажутся в огненном кольце.

И хотя положение было тяжелым, мысль о трагическом исходе была нам совершенно чужда. Нас ободряла и наполняла силами надежда соединиться со своими частями.

В окружении нас было много. Может, кое-кто из моих товарищей по оружию уже тогда сумел перебраться к нашим и дошел потом с боями до самого Берлина. Но я уже был лишен этой счастливой возможности. Моя судьба сложилась иначе. В окружении я попал в плен. Тяжело сейчас вспоминать и писать про это, но и не рассказать обо всем я не могу, – иначе я не сумею ни жить спокойно, ни спокойно умереть.

Молодой человек!

Когда ты доживешь до моих лет, меня уже не будет на земле. Вот я и хочу оставить тебе небольшую повесть о том, чему я был свидетелем.

Уже в первые школьные годы ты начнешь знакомиться с историей земли и ее народов. Далекие века пройдут перед тобою. Каких только имен не встретишь ты на страницах истории! Какие только события не глянут на тебя...

И, перелистывая страницу за страницей, ты, наконец, дойдешь до нашей эпохи, до наших времен и прочтешь слово: фашисты.Так кто же они такие, фашисты?

Прочти – я пишу о них.

В ТЕ ДНИ

Помнится, день тот был хмурый. Моросил дождь. Вокруг лежали белорусские земли. Несжатые хлеба печально склонились колосьями до самой земли. На полях и дорогах чернели обгорелые машины и танки, стволы зениток выглядывали из ржи. И всюду, насколько хватало глаз, тянулись окопы, зияли воронки, высились кучи земли, точно свежие курганы. Тучи дыма повисли над лесами, от обугленных деревьев веяло скорбью.

Вчера здесь прокатилась война. Куда ни глянь – убитые. Их незакрытые глаза устремлены в небо, словно в каком-то ожидании. Это наши товарищи, наши товарищи! Над ними уже вьется воронье. Вдалеке грохочут орудия. В тяжелых серых тучах то и дело сверкают молнии. Где-то высоко гудят самолеты.

Нас ведут обочиной дороги. Навстречу нам с грохотом несутся немецкие танки и машины с солдатами. Они мчатся на фронт. Проезжая мимо нас, солдаты кидают в нас окурки, арбузные корки и самодовольно гогочут:

– Русски капут, капут!

Самолет, проносящийся над самой колонной, просматривает ее от головы до хвоста. Немцы что-то кричат пилоту и машут руками.

Боец, идущий рядом со мной, говорит:

– Вольно тебе над нами разгуливать, ты ступай вон туда, не подпалят ли тебе там крылышки!

– Эх, нет, брат. Тогда бы он так не хорохорился. Видать, еще сильны они, – отзывается другой.

Разговор обрывается. Как знать, кто сейчас сильней и кто слабей? Да и к чему сейчас эти разговоры. Мы уже пленные. Нас ведут куда-то немецкие солдаты с автоматами на изготовку. Сапоги и ремни почти у каждого из нас отобраны, редко у кого уцелели противогазные сумки. Измученные, обросшие, почти все с непокрытыми головами, мы, наверное, выглядим стариками. Между тем самому старшему из нас едва ли больше тридцати.

Гонят нас беспощадно. Поминутно раздается: "Шнель, шнель!"[1] Раненые отстают и, выбившись из сил, валятся в дорожную пыль. Раздается выстрел и человек падает, обнимая землю. Чем дальше, тем больше теряем мы товарищей.

Иные смельчаки, улучив момент, бросаются из колонны в высокую рожь. Но фашистские пули тут же настигают их, и сердце, рвавшееся на свободу, перестает биться... А над колонной все чаще звучат окрики: Шнель, русски, шнель!..

Впереди показалась деревушка, вернее, место, где недавно была деревня.

Теперь здесь торчали одни голые печи, точно надгробные памятники сгоревшим дотла домам. Не было видно ни души. Но едва колонна вошла в деревню, откуда-то появилась старуха с ведром в руке. Рядом с ней маленькая девочка

[1] "Быстро!"

несла кружку. Видимо, они хотели напоить нас водой. Один из конвоиров выбежал вперед, пинком выбил у старушки ведро, выхватил из рук девочки кружку, бросил ее на землю и растоптал.

– Русски, вег, вег![2] – закричал он и принялся отгонять бабку.

Но та не уходила.

– Сынки мои, сыночки! Спаси вас господь... – повторяла она, вытирая глаза уголками платка.

Слова старой матери навсегда запали мне в душу. До сих пор стоит у меня перед глазами ее горестное лицо. Может быть, женщина на другой же день умерла на головешках своего сгоревшего дома. Я склоняю голову над ее прахом... Встреть я сегодня ту маленькую девочку – я не узнал бы ее. Но никогда не изгладится в моей памяти ее образ. Милая, если ты жива, будь счастлива! Мы не смогли напиться из твоих маленьких ручек. Но как мы были рады вам! Как было дорого, что мы не были забыты на родной земле...

Деревня осталась позади. Заблестел Днепр. За рекой виднелся город, над которым стояла туча дыма. На окраине горели какие-то баки, и один за другим раздавались взрывы. До города оставалось еще изрядно, а густой запах пороха и гари уже саднил горло.

Перед тем как войти в город, нас остановили. Вскоре навстречу подъехали грузовики, крытые черным брезентом.

– Боятся пешком вести нас по городу, – заметил кто-то рядом со мной.

Нас рассадили по машинам.

Улицы, по которым мы ехали, лежали в развалинах. Скоро машины остановились возле зданий, построенных почти впритык друг к другу. Это была Оршанская тюрьма.

Окна и стены ее зияли пробоинами. Немцы обнесли тюрьму колючей проволокой. У ворот торчали две вышки, на которых поблескивали подвесные прожектора.

Ворота были распахнуты. Три пулемета уставились дулами в тюремный двор. Возле них сновали немцы в стальных касках. Черные машины с пленными одна за другой въезжали во двор.

Это был один из первых лагерей, устроенных немцами на советской земле.

Отсюда начался мой долгий путь невольника.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

В камере нас оказалось человек тридцать. Мы не знали друг друга: все были из разных частей – и разведчики, и артиллеристы, и пехотинцы... Но общая беда объединила нас. Мы быстро перезнакомились и уже начали поверять друг другу,

[2] "Прочь!"

где и кем служили, как попали в плен; рассказывали, где родились, кем работали в "гражданке".

Этот откровенный разговор напрашивался сам собой. Нас ожидала неведомая, но уж во всяком случае не радостная участь, – и сейчас каждому хотелось поближе узнать своих товарищей по несчастью.

Говорили обо всем. И лишь об одном никто не проронил ни слова: кто из нас коммунист и кто комсомолец. Эту тайну каждый молча берег в глубине своего сердца – ведь впереди еще предстояло немало жестоких испытаний.

К какой бы национальности ни принадлежал каждый, перед немцами все мы одинаково представали прежде всего русскими солдатами. Это роднило нас друг с другом как братьев.

Рядом со мной сидел рыжеволосый молодой солдат. Одна рука у него висела на марлевой перевязи. Кровь проступила сквозь рукав гимнастерки. Видно было, что солдату плохо. Он молчал и болезненно морщился, облизывая горячие сухие губы.

– Что, тяжело? – спросил я его.

– Нелегко, – ответил он, силясь улыбнуться.

– Рана серьезная?

– Плечо осколком разворотило, черт бы его побрал, – беспокойно ответил мой сосед.

Слово за слово, и мы познакомились. Рыжеволосый оказался моим земляком.

До войны он работал на станции Юдино, в депо, ремонтировал поезда. Когда я назвался казанцем, парень ожил, лицо его просветлело. Обрадовался и я: может быть, только среди горя и бедствий чувствуешь, какое счастье встретиться с земляком. Соседа звали Мишей.

– А тебя как зовут? – спросил он.

– Набиулла.

– Значит, татарин. Я сразу так и подумал. Земляков я узнаю.

Шевеля губами, Миша повторил про себя мое имя.

– Трудное, не запомнить. Давай я тебя буду звать Николаем, предложил он.

– Почему Николай, а, скажем, не Павел?

– Нет, "Павел" не годится. Имя-то у тебя начинается на "эн", значит, Николай и подходит.

Возражать я не стал. С этого дня я и для других стал Николаем.

– Куришь? – спросил меня Миша.

– Закурил бы, да нечего.

– Я вот не курю, а табак есть. Порцию свою я всегда товарищу отдавал. А он...

– Убит?

– Да, убит, убили. Хороший был друг.

Миша помолчал.

– Достань у меня махорку из правого кармана. Сверни и мне, а то сердце огнем печет. Может, от дыму полегчает.

Мы закурили. Махорка тотчас пошла по рукам. Табак оживил людей. Кто-то уже начал шутить.

Миша с непривычки тяжело закашлялся. Лицо у него побагровело, на глазах выступили слезы.

Уже вечерело. В тюремной камере, и без того сумрачной, стало еще темней.

Стекол в окнах не было. Оконные проемы немцы густо переплели поверх решеток колючей проволокой. За решетками виден тюремный двор и ворота. В них то и дело въезжают машины, пленных становится все больше и больше. Они уже не вмещаются в здании и группами сбиваются во дворе, под открытым небом. Раненые жмутся к стенам, со стоном опускаются на землю.

Слышно, как перекликаются люди:

– Кто из Москвы?

– Туляки есть?

– Из Харькова кто?

В ответ раздается:

– Я из Москвы!

– Я из Тулы...

Эта тревожная перекличка звучит жутко и печально, словно люди заблудились во тьме.

Над воротами ослепительно вспыхивают прожектора. Их лучи белыми змеями тянутся во двор, скользят по стенам и, словно в гнезда, прячутся обратно в металлические коробки. Люди еще не могут опомниться. Только что доставленные сюда с поля боя, они чувствуют себя точно в каком-то кошмаре. Ум бессилен объяснить происшедшее. А время идет, и вместе с ним все глубже охватывает пленного солдата гнетущее чувство неволи. Поначалу он мечется, точно птица, попавшая в силок, но всюду, куда он ни сунься, – колючая проволока, холодные стальные стволы, часовые в рогатых касках. Только тут он по-настоящему осознает всю тяжесть случившегося, и начинается мучительная тоска по свободе.

Увы, после войны нужно было не меньшее мужество пережить недоверие властей к побывавшим в плену, случайные заработки, бездомье. Пока хрущевская «оттепель» не помогла вернуть честное имя и право печататься. К теме сопротивления в логове врага Н.Даули вернется в книге «Разрушенный бастион». В год 75-летия Победы было бы уместно переиздать военную прозу Наби Даули,

единственного советского поэта, бежавшего из фашистского плена. Десятилетиями книги Н.Даули считались гордостью татарской литературы, его военная проза входила в список литературы для чтения в средней школе, как сегодня военная проза К.Воробьева, тоже хлебнувшего горя и мук фашистского плена. В 60-70-е годы выходят поэтические сборники поэта «Встречи в пути», «Я остаюсь на земле», стихи и рассказы для детей. К сожалению, Указ о награждении Наби Даули медалью «Участник антифашистского движения в лагере смерти Бухенвальд – Дора» хотя и был подписан в 1977 году, но награда была вручена близким поэта-героя только в 1990 году, после его кончины. Не научились мы ценить человека и совершенное им при его жизни.

В Год Победы, в 2020 году исполняется 110 лет со дня рождения верного сына татарского народа, поэта и прозаика Наби Даули.

«Я буду сокрушать врага и как поэт, и как солдат» Фатых Карим (1904 – 1945)

Фатых Ахметвалеевич Каримов – видный татарский поэт. В Казань он приехал из города Белебея в 1925 году.

Фатых горячо любил Казань, ведь именно здесь он состоялся как поэт, здесь был принят в писательский союз. Обрел друзей, семью и верных читателей.Лирика Фатыха Карима одновременно навеяна и овеяна романтикой эпохи 20 – 30-х годов.Об этом его стихи, поэмы «О пятидесяти молодцах», «Шумная заря». Молодой поэт активно сотрудничал в газетах и журналах республики, в 1933 -37 гг.работал ответственным секретарем редакции детско – юношеской литературы Таткнигоиздата. В 1937 году поэт стал одной из невинных жертв репрессий, обрушившихся на деятелей культуры Татарии, обвиненных в «буржуазном национализме» и шпионаже. Фатых Карим чудом остался жив, выплыв из волн потопленной баржи, в трюмах которой остались десятки его собратьев по несчастью. Добравшись до Казани, Карим добился пересмотра своего дела и вскоре ушел на фронт в составе штрафного батальона. Он прошел боевой путь от рядового до командира взвода разведки. Был трижды ранен. И использовал любую свободную от боев, бомбежек минуту для стихов, в которых поэт создавал образ верного Родине солдата, труженика и воина. За время, отпущенное ему на войне, Ф.Карим написал около 150 (!) стихов, восемь поэм, две повести и даже пьесу. Вызывает и удивление, и восхищение такое плодотворное творчество: ведь автор не военный журналист, а воин-разведчик! В 1944 году из-под его пера появилась и повесть «Записки разведчика».

За мужество, проявленное в боях, Лейтенангт Ф.Каримов был награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны 1 степени, медалями. Лейтенант Ф.Каримов пал смертью храбрых во время разведки боем на подступах к столице Восточной Пруссии Кенигсбергу.

За счастье Родины моей

Наутро будет грозный бой. Мне сердце говорит само,
что, может, я сейчас пишу свое последнее письмо.

Наутро будет шквал огня. В окошко белое сейчас
на солнце красное гляжу я, может быть, в последний раз.

Я буду сокрушать врага и как поэт, и как солдат.
А коль погибну – жизнь мою мои детишки повторят.

Останется весь вешний мир – благоуханные сады,
и на полянах меж цветов мои останутся следы.

Не надо плакать надо мной. Ведь это словно песню спеть –
За счастье Родины своей на поле боя умереть.

ДРУЗЬЯМ

Из тех краёв, где батареи бьют, я отослать вам эту песню рад.
В окопе утром я её писал, страничку положивши на приклад.

За мной остались сёла, города, леса и реки русской стороны…
Так вот каков ты, зимний мой окоп, на дымном поле, в грохоте войны!

Война, война! Лишь гнев в душе моей, лишь ненависть в сознании моём.
Кладя, как шпалы, трупы палачей, к победе мы стремительно пойдём.

За этою работою, друзья, мне некогда о смерти размышлять.
Он близится, тот день, когда всех нас страна с победой будет поздравлять.

Ну а пока из глубины войны я отослать вам эту песню рад.
В окопе утром я её писал, страничку положивши на приклад.

1942

ОКОП

Рассветным туманом одет горизонт,
Я осенью снова вернулся на фронт.

Другая винтовка, другие друзья.
Окоп мне известен – узнал его я.

Сержант – молодой, но бывалый солдат,
Мне выдал консервы и связку гранат.

«Консервы тебе, – он сурово сказал, –
А этим – фашистов рази наповал».

Гранаты – за пояс, ушанку – на лоб.
Опять я влезаю в свой старый окоп.
Другая винтовка, другие друзья.
Окоп мне известен – узнал его я.

1943 Перевод Т. Стрешневой

В Музее воинской славы в Казани хранятся шинель, кирзовые сапоги, полевая сумка, записные книжки со стихами поэта. И портрет Пушкина, с которым Ф.Карим никогда не расставался. Сочинения поэта в 3-х томах изданы спустя 30 лет после гибели поэта-героя. Именем Фатыха Карима названа улица в Вахитовском районе Казани.

«Правда слова – вот всему основа»
Заки Нури (1921 – 1994)

Пусть в стихе неправде будет тесно,
Правда слова – вот всему основа.
Ты слова располагай, как в песне,
Чтоб не выкинуть из песни слова!

В этих строчках – гражданское и поэтическое кредо Нурутдинова Заки Шарафутдиновича. Сын крестьянина из татарской деревни Так-Тюки свои первые стихи поместил в республиканской пионерской газете «Яшь Ленинчы» еще учась в лесном техникуме в конце 30-х годов.

Войну Заки встретил в составе погранотряда на западной границе в Белоруссии, где впоследствии сражался с врагом и жил некоторое время после Победы, восстанавливая разрушенные города и села. Выходя из окружения в августе 41-го, примкнул к партизанам и до августа 44-го воевал в легендарном соединении Героя Советского Союза Константина Заслонова начальником разведки отряда.

Замолчали солдаты сурово,
Над товарищем стоя своим.
Он у серого камня большого
После боя лежит недвижим.

Был он полон отваги и силы,
И в атаки ходил он не раз, –
И мне кажется: к Родине милой
Он уносится думой сейчас.

Он лежит, автомат прижимая,
Словно верного друга, к груди,
Будто снова дорога прямая,
Будто снова бои впереди.

Мы уходим с отвагой солдатской
Без тебя, наш товарищ и друг,
Здесь оставив могилу да каску
И салюта прощального звук.

Но останется память солдата,
Что недаром прошёл по земле,
Его славное имя и дата
На отвесной гранитной скале.

1942

Примечательно, что первый сборник стихов был переправлен в Казань из глубокого тыла через линию фронта и издан в 1945 победном году.

Заки Нури - Почетный житель г.Орши, который освобождал от врага и где работал после войны, назначенный Белорусским штабом партизанского движения заместителем председателя исполкома города Орши. За боевые заслуги награжден орденом Отечественной войны, медалью «Партизану Отечественной войны». О пережитом в годы партизанской юности - сборник стихов поэта «Эхо войны», поэма «Путь славы», сборник рассказов «И мертвые мстили».

О двух командирах

Тепло взирает солнце с небосклона,
Царят в родном краю покой и мир.
А я все вижу, как погиб Заслонов —
Батыр и партизанский командир.

Война четыре года нас ломала
Всей яростью своей и мощью всей.
Война сердца сражала и металлом,
И тем, что хоронили мы друзей.

Подолгу шли к нам письма из Отчизны,
Тайком мы проникали в города.
Бросались к дотам, не жалея жизни,
Чтоб уничтожить войны навсегда.

Не раз тылы фашистские громили,
Грузовики пускали под откос!
Жаль, этого всего Мусе Джалилю
Тогда увидеть так и не пришлось.

Но, может, был Муса все время с нами
И со святой решимостью в груди
Вслед за Заслоновым летел сквозь пламя
На пламя, что вставало впереди?

Да, именем свободы, счастья, мира
И той Победы, что была вдали,
Два честных, два бесстрашных командира
Меня, бойца, в сражения вели.

Доныне вижу: дядя Костя[3] держит
В руках те мины — я их узнаю…
Муса вселяет в душу мне надежду
На песню — на заветную мою.

[3] Партизанская кличка Героя Советского Союза Константина Заслонова.

Я опален минувшею войною
И в сердце проношу ее следы.
Два командира…
В небе надо мною
Всегда две эти строгие звезды.

Перевод с татарского В. Савельева

ПОСЛЕ АТАКИ

Бой утих… И, безмолвьем пугая,
Ночь уже подошла к рубежу.
Ты послушай, моя дорогая,
Что тебе я сегодня скажу.

В отсыревших, промозглых окопах,
Где мерцает штыка остриё,
На военных дорогах и тропах
Я лицо вспоминаю твоё.

И тебе, может, тоже не спится
по ночам от тревог обо мне:
Ведь железные чёрные птицы
Надо мною гудят в вышине…

Скоро весточка эта простая
Мои думы к тебе принесёт.
Знай: живу я, всегда ожидая
Нашу встречу, как солнца восход.

Молодые у весточки крылья.
Она голубем вдаль полетит.
Что от сердца тебе говорил я,
Пусть же в сердце твоём прозвучит.

Когда письма твои получаю,
На груди их всегда берегу.
Вместе с ними смелее шагаю,
Устремляясь навстречу врагу.

Верю: скоро взметаться ракетам

В честь победы к родным небесам.
На письмо твоё лучшим ответом
Пред тобою предстану я сам!

1944

Переводы Л. Хаустова

После войны поэт работал по своей мирной профессии лесовода, с 1949 года, как он сам говорил, - на «литературном фронте». Ответственный секретарь правления Союза писателей ТАССР, ответственный редактор журнала «Казан утлары», был избран депутатом Верховного Совета республики. Заки Нури много писал для детей, переводил и издавал сборники поэтов республик СССР. Он автор текстов многих любимых народом песен.

Отчизне

Ты – дуб могучий.
Я – в нем листок.
Ты – океан могучий,
Я – в нем капля.
Я – твой певец.
Чтоб песня не ослабла,
Я пью твой животворный сок.

«Умирая, не умрет герой…»
Муса Джалиль (Залилов Муса Мустафович)
(1906 – 1944)

Гордость татарского народа, татарской литературы, поднявший идейно-художественный – вслед за великим Г.Тукаем – уровень национальной поэзии, выведший ее на мировую арену.

До Великой Отечественной войны поэт был известен как один из ярких представителей молодой татарской литературы, автор нескольких поэтических сборников, один из организаторов Татарского государственного театра оперы и балета, носящего сегодня его имя. Перед войной М.Джалиль был избран ответственным секретарем Союза писателей ТАССР, являлся депутатом Казанского

горсовета. Настояв на отправке на фронт, с началом войны М.Джалиль окончил курсы политсостава Красной армии.

Холодная осень 41-го. Во время тяжелых боев на Волховском фронте при выходе из окружения старший политрук военкор Джалиль был тяжело ранен и захвачен в плен. Как его предшественник М. Лермонтов в 16 лет предсказал свою дальнейшую трагическую судьбу, юный Джалиль в далеком 1923 году писал о том же («Я буду это»).

Судьба глумилась надо мной,
Как будто на руку кому – то
Мой пистолет, товарищ мой,
Смолчал в последнюю минуту.

В фашистском лагере Мусу судьба свела с другим командиром Красной Армии – лейтенантом-разведчиком Гайнаном Курмашевым, который когда-то, еще до войны, присылал Джалилю на суд свои незрелые тогда стихи.Так два поэта вскоре создали подпольную антифашистскую группу. Обманув бдительность фашистского руководства, Джалиль добился разрешения издавать для пленных красноармейцев-мусульман газету на татарском языке. Сумев привлечь на свою сторону пленных-патриотов, группа Курмаша-Джалиля развернула антифашистскую агитацию, готовя восстание созданного гитлеровским вермахтом мусульманского легиона СС «Идель-Урал». С помощью провокаторов, втершихся в доверие заговорщиков, члены группы – около 40 человек- были арестованы. В гитлеровском застенке, несмотря на допросы с применением пыток: поэту сломали руку, перебили пальцы, отбили почки – враги не смогли сломить волю Джалиля, его веру в победу над жестоким врагом. «Моабитские тетради», созданные в условиях концлагеря и тюрем, – вершина не только творчества Мусы Джалиля, но и советской поэзии военной поры, получившей признание во всем мире. Благодаря выжившим в лагере антифашистам две тетради стихов уже после войны оказались на родине поэта.

Прости мне, Родина, мою
Весну невольной злую участь.
Что с именем твоим в бою
Не пел. Прости мою живучесть.
Нет. Не разменивал тебя
Я по пылинке жизни ради
Не изменил присяге я.
Свидетель – Волхов и тетради.

В стихах, написанных в застенке, поэту удалось передать чувства, пережитые народом в военное время, высокие человеческие качества Гражданина и Пат-

риота, готового отдать жизнь ради своей Отчизны.Такие стихи, как «Прости, родина», «Пташка», «Палачу», «Не верь!», «О героизме» по праву вошли в число образцов поэзии военных лет. В них нашли отражение не только философские размышления о жизни и смерти, но и долг человека перед Родиной, родными и близкими людьми. Боль и гнев человека, лишенного возможности плечом к плечу с другими идти в бой на врага.

Пришли последние минуты жизни –
Со славой завершить бы мне борьбу.
Я отдаю народу и отчизне
Порывы, вдохновение, судьбу.
Я пел в бою. Не думал никогда я,
Что пленником умру в чужом краю.
На плахе песнь последнюю слагаю.
Вот заблестел топор, но я пою.
Меня на битву песня призывала,
Она учила смело умирать.
Призывной песней жизнь моя звучала,
И будет, будет смерть моя звучать.

25 августа 1944 года Муса Джалиль, Гайнан Курмаш и их девять товарищей были казнены. Но и стоя перед гильотиной, они своим мужеством, бесстрашием показали пример отваги и преданности Родине.

Плачет ветер в ветвях моих сосен
За бревенчатой стеной хибары –
О джалиловцах весть нам принес он:
Шли с улыбкой на плаху татары.
Это шепчут сквозь годы и дали
Очевидцы неправедной кары:
– мы свидетели, мы их видали –
шли с улыбкой на плаху татары.
Целый мир облетит этот ветер –
И долины, и горы, и яры.
И расскажут всем людям на свете:
– шли с улыбкой на плаху татары.

(пастор Г. Юрытко, свидетель казни 11 героев группы М.Джалиля)

За проявленное мужество и героизм в 1956 году Мусе Джалилю было присвоено звание Героя Советского Союза – единственному поэту – участнику ВОВ. Через год за цикл стихов «Моабитская тетрадь» он посмертно был удостоен Ленинской премии.

Родина чтит память о поэте – герое. О нем написаны поэмы, пьесы, создана опера, написан роман, выпущен фильм «Моабитская тетрадь». Произведения поэта изданы на языках многих народов мира. Имя Джалиля носят океанский корабль, гора в Антарктиде, поселок в Татарстане, малая планета. В доме в г.Казани, откуда Джалиль ушел на фронт, в 1983 г. открыт музей поэта. Одна из улиц города носит также его имя. В 1966 году перед казанским Кремлем установлен памятник поэту. а на стеле барельефы его 10 товарищей, разделивших его участь. В 2006 году в честь 100-летия М.Джалиля ему был установлен памятник в Москве.

Последняя песня

Земля!..Отдохнуть бы от плена,
На вольном побыть сквозняке…
Но стынут под стонами стены,
Тяжелая дверь - на замке.
О, небо с душою крылатой!
Я столько бы отдал за взмах!
Но тело на дне каземата
И пленные руки - в цепях.
Как плещет дождями свобода
В счастливые лица цветов!
Но гаснет под каменным сводом
Дыханье слабеющих слов.
Я знаю – в объятиях света
Так сладостен миг бытия!
Но я умираю…И это –
Последняя песня моя.

Август 1943

Завещание М. Джалиля, написанное на обложке в конце первой тетради

Декабрь 1943 г.

Другу, который умеет читать по-татарски и прочтет эту тетрадку.

Это написал известный татарскому народу поэт Муса Джалиль. Испытав все ужасы фашистского концлагеря, не покорившись страху сорока смертей, был привезен в Берлин. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации,

в распространении советской пропаганды... и заключен в тюрьму. Его присудят к смертной казни. Он умрет. Но у него останется 115 стихов, написанных в заточении. Он беспокоится за них. Поэтому он из 115 старался переписать хотя бы 60 стихотворений.

Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет, как стихи погибшего поэта татарского народа. Это мое завещание.

Муса Джалиль. 1943. Декабрь.

Надпись М. Джалиля на обложке второй тетради

Декабрь 1943 г.

В плену и в заточении – 1942. IX – 1943. XI – написал 125 стихотворений и одну поэму. Но куда писать? – Умирают вместе со мной.

Записка на полях немецкой книги,
обнаруженная советскими бойцами в библиотеке тюрьмы Моабит

Не ранее марта 1944 г.

Я, известный татарский поэт Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму за политику и приговорен к расстрелу... Прошу передать мой привет А. Фадееву, П. Тычине, моим родным.

«Никто нас не поставит на колени»
Абдулла Алиш (1908 – 1944)

А.Алиш (Алишев Габдуллазян Габдулгареевич) как писатель разностороннего дарования получил известность задолго до начала войны. Его перу были подвластны и прза, и поэзия, и драма. Но безграничная любовь к детям определила его творческий путь как писателя детского. Используя богатство национального фольклора, Абдулла Алиш выпустил несколько сборников сказок, вошедших в золотой фонд литературы Татарстана. Во многом благодаря А. Алишу в Казани был открыт Дворец пионеров, названный его именем.

В июле 1941-го писатель уходит на фронт. В короткие перерывы между тяжелыми боями, Абдулла находит время для теплых писем семье: прежде всего матери, жене, детям. В октябре семья писем не дождалась.

«Дорогая мама! Посылаю тебе пламенный привет с пожеланием крепкого здоровья. Итак, мама, мы стоим у преддверья дальних дорог. Знаю, велико твое горе, но будь спокойна, жив буду-вернусь. Будет еще радостная встреча, соберутся все родные. Мама, есть у меня к тебе большая и последняя просьба: дорогих моих крошек – детей приласкай и заботься о них, как обо мне, навещай наших. За Галимзяна не беспокойся, он ведь работает в штабе. За Гаптери тоже не беспокойся. Добро, живи в спокойствии, да пусть не покинут нас твои святые пожелания. Привет Марьяму и всем родным. Если от Мубарака будет письмо, пришлите ответ немедленно. Не следует тамошних людей заставлять слишком долго ждать. Если письмо мое дойдет до вас, в тот же день напиши ответ. Ну ладно, мама. До свидания. Обнимаю тебя и целую. Твой сын. 6 августа 1941 года.» Последнее письмо А.Алиша с фронта матери.

12 октября А.Алиш на Брянском направлении, прорываясь со своим батальоном из окружения, был взят в плен. Череда концлагерей, смерть сотен таких же бедолаг от ран, побоев и издевательств. В одном из лагерей встретились Муса Джалиль и Абдулла Алиш. Стремясь разобщить единство представителей разных национальностей, фашисты решили создать из плененных солдат и офицеров Красной Армии национальные легионы для отправки на фронт. Вскоре Муса с другими пленными создает подпольную. антифашистскую группу, которая начинает вести активную контрпропаганду среди пленных мусульман, из которых фашисты думали создать легион «Урал – Идель». Так, один из батальонов, перейдя линию фронта, сразу влился в ряды белорусских партизан. А.Алиш был одним из самых активных и бесстрашных подпольщиков, «правой рукой Джалиля», как говорили их соратники по борьбе. В легионе готовилось восстание, но засланные в лагерь провокаторы предали заговорщиков. В застенке, превозмогая боль от допросов и пыток, Алиш выводил непослушной рукой строки:

КАКОЮ БУДЕТ СМЕРТЬ?

Вокруг грохочет битва, мир в огне,
Чужая воля надо мной и сила,
Мне мысль: какою смерть придет ко мне —
Доселе в голову не приходила!

Хоть все равно, какого ждать конца,
Гадаю я, что мне судьба готовит.
Быть может заостренный грамм свинца
Вдруг просвистит и сердце остановит!

Не раз вступала смерть в свои права
И медлила, чтобы меня помучить
Там, в лагерях, где вешняя трава
Была густа за проволокой колючей.

Неведомо, что станется со мной,
Какую муку мне судьба пророчит,
Но смерть уже — я слышу — за спиной,
Она стоит, смеясь, и косу точит.

Когда ж определит она мне срок?
Свой явит лик сейчас или помедля?
Собьет меня волна взрывная с ног,
Иль ближе к небесам поднимет петля?

Иль голодом меня задушит плен,
Или умру от той премудрой штуки,
Которую папаша Гильотен
Придумал, будучи не чужд науке.

Пусть, выбирая вариант любой,
Приходит смерть, кичась своею силой.
Что б ни было, рожденные борьбой,
Мы, до конца борясь, сойдем в могилы.

Коль надо умирать, не все ль равно,
Какою смертью свалены мы будем.
И все-таки не каждому дано
Так умирать, как подобает людям.

Немало строк написано о нас,
Их в папках подошьют, в архивы сложат,
И вы, друзья, узнаете в свой час
О наших муках и делах, быть может.

Мы и в неволе - все равно в бою.
Что б ни случилось, смерть мы встретим смело.
И, жизнь отдав за родину свою,
Погибнем за ее святое дело!

Группа подпольщиков из 11 патриотов по приговору Имперского суда была 25 августа 1944 года обезглавлена на гильотине в течение получаса с интервалом в 3 минуты. Первым был казнен один из руководителей группы Гайнан Курмаш, третьим – Абдулла Алиш, через 6 минут – Муса Джалиль.

Карточка-свидельство о смерти А. Алиша из картотеки тюрьмы Плетцензее: «Берлин. Шарлоттенбург. 26 августа 1944 г. Писатель Абдулла Алишев, магометанин, проживающий в Казани, Дзержинского 18-19. Умер 25 августа 1944 года в 12 часов 12 минут в Берлине, Шарлоттенбурге, Кенигсдамм 7. Умерший родился 15 сентября 1908 года в Каюки (Россия)… Причина смерти – отсечение головы»

До нас дошло 15 стихотворений Алиша, незначительная часть того, что он написал за годы скитаний по лагерям и тюрьмам. Каждая строка дышит любовью к Родине, матери, жене, детям, верностью воинской присяге.Как его старший товарищ М. Джалиль, именно за годы плена А. Алиш написал свои лучшие стихи: «Отчизне», «Родная деревня», «Встреча», «Песня о смерти», «Глаза».

Опять в груди тревожно сердце сжалось,
Печалью безысходной я грешу,
Но если буря в мире разыгралась,
Как не шуметь, не гнуться камышу?
Сгустилась мгла, и ныне в отдаленье
От мест, где первый я встречал восход,
Берет меня неволя в окруженье,
Беда моя дыхнуть мне не дает.
О родина, ты далеко осталась,
И все ж надежда в свете золотом,
Верней, ее оставшаяся малость
Является мне в облике твоем!
Вдыхал я аромат твой, край священный,
Но счастья я не понимал подчас.
Так мы не понимаем жизни цену,
Покуда смерть не окликает нас!

Еще в феврале 1944-го, во время судебного процесса над его группой, зная о неминуемой смерти, Абдулла сумел передать на волю записку, где прощался с друзьями и близкими, просил поцеловать его ребятишек.

Письма поэта сумел сохранить и переслать на родину его сокамерник бельгиец Э.Майзон. А блокнот со стихами Алиша, пройдя через все препоны, попал в Казань, благодаря бывшему военнопленному Нигмату Терегулову. Как и «Моабитская тетрадь» Джалиля, стихи Алиша сыграли свою роль в возвращении

честного имени воина-патриота. Поистине, рукописи - не горят. Спустя четверть века(!) соратники Мусы Джалиля были награждены орденом Отечественной войны 1 степени. Сегодня именем А.Алиша названа улица в Приволжском районе, в селе, где он родился, воздвигнут памятник поэту-герою.

Песня о себе

Если б вдруг сказали мне:
«Для жизни
По душе ты место выбирай»,-
Я б ответил:
«Я стремлюсь к Отчизне:
Лишь она для сердца лучший край!»

Скажут:
«Счастлив будешь.
Но на годы
Родину придавит кабала».
Я скажу:
«Не надо мне свободы,
Лишь бы вольной родина была».

Скажут мне:
«Тебя полюбит сразу
Лучшая из лучших дочерей».
Мой ответ:
«Вернусь к голубоглазой,
К дорогой, единственной моей!»

Тот, кто честь до смерти сберегает,
Кто глядит бестрепетно вперед,
Мусором тот золото считает –
Родину свою не продает!

«Гордым быть научила меня мать»
Рахим Саттар (1912 – 1943)

В начале XX века родители будущего поэта переехали из села Абдулла в село Нижнее Хазятово нынешнего Чишминского района Башкортостана. Отец – Сулейман Габдулсаттаров – был приглашен для исполнения обязанностей деревенского муллы. Здесь и родился 15 августа 1912 года Абдрахим Абдулсаттаров, впоследствии взявший псевдоним Рахим Саттар.

Гордым быть
Научила мать.
Взрослым став, не забыл:
Ни перед кем головы не склонять.
Я её не склонил.
В оковах руки мои,
А свет – замками ворот закрыт.
Но дух мой не сломлен
И страха нет, хоть глухо бьют топоры.

Будущий поэт вначале обучался в деревенском мэктебе, затем продолжил учебу в уфимской школе N2, до войны жил в Уфе, работал ответственным работником в Наркомпросе БАССР. Начал писать стихи еще в школьные годы. Стал известен как поэт и журналист, уже будучи в Казани.

С первых дней войны Рахим Саттар добровольцем ушел на фронт. Он добился назначения в десантные войска, участвовал в ответственных операциях, выполнял особые задания командования. 27 мая 1942 года при неудачной высадке десанта Р. Саттар попал в плен. Он был в разных лагерях, его переводили из одного лагеря в другой в городах Советского Союза, затем Польши. Положение пленного он описал в стихотворении, которое так и называется " Пленные".

Встретившись в концлагере с поэтами М. Джалилем и А. Алишем, он активно включился в деятельность сформированной Джалилем подпольной группы сопротивления в татарском легионе. Рахим Саттар вел антифашистскую агитацию среди

военнопленных, распространял листовки и, несмотря на тяготы лагерной жизни, писал стихи, проникнутые любовью к Родине и ненавистью к захватчикам.

Ради народа своего

На Востоке зари разрастается свет
Из-за гор, что поднялись как щит.
Впереди – неизвестность и выхода нет.
Свет Отчизны туманами скрыт.
Там осталась мама моя,
И страна – как закрытая дверь.
Те, кто рядом сражался –
Всё также в боях…
Где же я оказался?

Кем же стал для тебя я, родная страна,
Не забыв твоих бед ни на миг?
Сиротой ли безродным…
Карай меня, на! –
Только снова как сына прими.
Только знай: каждый вздох мой
Тебе посвящён,
Мои силы, воля и честь.
Враг не сломит меня, не услышат мой стон –
Лишь бы знать до конца,
Что ты есть!

В чрезвычайных условиях плена поэзия Рахима Саттара набрала силу, поднялась на такие высоты, что невольно думаешь: удивительная душа была у этого человека! Каждая нота в его стихах, которые созданы в легионе, истинна. Эти строки приносят эстетическое наслаждение, они совершенны. Но поэт писал их не для услады. Эти стихотворения – пророчество.

В татарском легионе голос Р. Саттара обрел неповторимую красоту и высокое духовное напряжение, характерное для истинной поэзии. Это и есть признак истинности поэта - когда он не может не писать. Не молчит, потому что это нужно народу твоему. Поэзия Р. Саттара прозвучала тогда, когда перед татарами был поставлен выбор: предательство или смерть. И выбор прозвучал в его стихах. Это поэзия, а поэтому в ней нет рассудочности, она лишена красивости, пышности. Ее красота сурова, как тогдашний мир.

По заданию М. Джалиля Рахим был переброшен в Польшу для связи с партизанами. Его побег был организован с помощью польского лесника, который

был вскоре арестован немцами и казнен. Дальнейшая судьба Р. Саттара, к сожалению, неизвестна до сих пор.

Одна из записных книжек Рахима Саттара со стихами, переданная им Алишу, через многие руки была доставлена в Союз писателей Татарии бывшей военнопленной Равилей Агеевой. На ее обложке написано следующее: «Рахим Саттаров, стихи, написанные в заточении. Смоленск – Борисово – Вустрау – Радом – Берлин. 1942-1943». Всего в записной книжке 24 стихотворения.

Однако эти скудные биографические данные полностью не отражают его человеческие качества. Его сестры, например, рассказывали, как он, будучи юношей, однажды на электричке приехал из Уфы в деревню без пиджака. На вопрос домочадцев, куда дел пиджак, он ответил: «В электричке увидел голодного, худого старика, он был без одежды, ему отдал». А ведь тогда, в 30-е годы, время было нелегкое: не хватало еды, одежды. Одним словом, с детства он был добрым, отзывчивым человеком.

По инициативе ТНПЦ "Рамазан" одна из улиц Чишмов названа именем Рахима Саттара. Его произведения, переведенные на русский язык, опубликованы в книге «Три поэта-воина».

Говоря о ратном подвиге уроженцев нашего края, нельзя обойти вниманием героическую страницу в истории антифашистского подполья в самом логове врага – «Группе Курмаша – Джалиля» - так она значилась в судебных документах имперского суда Германии. Подпольная организация возникла внутри сформированного фашистами из пленных –представителей народов Поволжья и Урала мусульманского легиона СС «Идель – Урал». Под угрозой смерти фашисты заставляли попавших в плен солдат и офицеров вступать в национальные формирования для борьбы с Красной армией. Подпольщики преследовали цель «взорвать» легион изнутри, готовили восстание. Глава группы до присоединения к ней Мусы Джалиля – Гайнан Курмашев, лейтенант Красной армии, заброшенный с группой разведчиков в тыл к фашистам и захваченный в плен.

Уроженец Актюбинской области Казахстана Гайнан Курмашев успел до войны закончить педтехникум в Параньге Марийской АССр, учительствовал в селе Куянково. Преподавал ребятам математику, географию, физику, хотя с детства имел склонность к литературе, писал стихи, редактировал в техникуме рукописный журнал. Война прервала учебу на заочном отделении пединститута.

Гайнан был самым молодым из подпольщиков, уйдя из жизни в неполные 25 лет. Однако столь юный возраст не помешал Грише Курмашу (подпольное прозвище) стать «левой рукой сокола – Джалиля», как называли его соратники по подполью. «Правой рукой» был Абдулла Алиш. Гайнан сочинял стихи, писал марши для певческой капеллы, которую создал из легионеров. Выданная провокатором группа была обречена на гибель. Допросы, избиения стальными прутьями, пытки продолжались год – с лета 1943 по август 1944. Покушение на Гитлера со стороны высшего офицерства рейха и переход части легиона на сторону белорусских партизан приблизили расправу над патриотами. 25 августа 1944 года Гайнан Курмаш первым взошел на плаху.

Ночь. Тюрьма. И ни звука вокруг.
Но за стенкой шаги часового.

Мой рассудок, мой преданный друг
Не приемлет конца рокового.

Известно об 11 стихотворениях, написанных Курмашем и опубликованных в небольшой книжке «За гранью жизни».

Лишь через 45 лет в знак признания мужества и стойкости Гайнан Курмаш в числе других 10 своих товарищей был удостоен награды – ордена Отечественной войны 1 степени. Поздно, но родина признала подвиги своих сыновей. В селе Куянково имя Гайнана Курмаша носит школа и одна из улиц.

В Актюбинске (Актобе) воздвигнут памятник отважному герою.

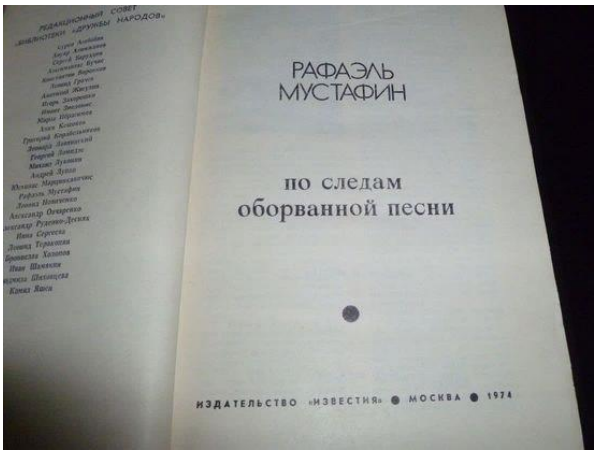
Ах, сколько их было, солдат безымянных,
Погибших в неравном бою!
Но не посрамили сыны Татарстана
Далекую землю свою.
Пускай мы не знаем всех тех, кто спажались
За Родину в землях чужих.
Сынами Отчизны навеки остались
Курмашев и 10 других…

(Валентин Ротов)

25 августа 1944 года в берлинской тюрьме Плетцензее казнены на гильотине 11 татар из Советского Союза как особо опасные государственные преступники. Имперский суд Германского рейха вынес коллективный смертный приговор по делу «Группа Курмаша и десять других» с формулировкой — «За предательство интересов рейха». И мало кто сегодня задумывается о том, как могли советские военнопленные в 1943—1944 годах «предать» интересы Германии?

Был ли подвиг?

До сих пор не утихают горячие споры о том, в чем заключался смысл подпольной деятельности группы Курмашева, какова была в ней роль Мусы Джалиля, Абдуллы Алиша, Габдуллы Баттала и других.



Еще

Рафаэль Мустафин посвятил этой теме несколько своих книг, в том числе «По следам оборванной песни» (1974). Фото ay.by

в 70-е годы XX века литературный критик Рафаэль Мустафин посвятил этой теме несколько своих книг, в том числе «По следам оборванной песни» (1974). В них журналист скрупулезно восстанавливал детали не только биографии Мусы Джалиля, но и коллективного портрета подпольной группы легиона «Идель-Урал». Невозможно пересказать смысл всех книг, напомню главное: Р.Мустафин документально доказал, что джалильцы-курмашевцы казнены были за широкомасштабную патриотическую деятельность в глубоком тылу врага. Их усилия привели к тому, что в антифашистском Сопротивлении на территории оккупированных стран Европы, особенно в Польше, Франции и Бельгии, приняли участие десятки тысяч советских военнопленных не только татар, но и всех других национальностей Поволжья.

О том, как массовое восстание легионеров на территории Европы в августе 1944 года способствовало бескровной высадке союзных войск на юге Франции, говорилось в публикации автора этих строк «Служили примером для французских партизан». То, что деятельность курмашевцев-джалильцев была тесно связана с восстанием легионеров «Идель-Урала», подтвердили и германские судьи: казнь состоялась через неделю после успеха союзников на средиземноморском побережье.

Чем больше мы узнаем о значении подвига 11 казненных татар, тем ценнее новые детали их портрета, чудом сохранившиеся в архивах. В том числе в личном архиве Рафаэля Ахметовича Мустафина. Часть его документальных исследований осталась не опубликованной и передана в виде рукописей вдовой писателя Раузой-ханум мне как ученику и младшему соратнику известного джалилеведа.

Уникальность этих записок не только в том, что сделаны они рукой самого Рафаэля Ахметовича, но и в том, что это крупицы фактов, найденных им в закрытых архивах, полученных в личных беседах или переписке с участниками тех событий, порой знавших Джалиля, Курмаша и многих других.

Судите сами.

Уникальность этих записок не только в том, что сделаны они рукой самого Рафаэля Ахметовича, но и в том, что это крупицы фактов, найденных им в закрытых архивах, полученных в личных беседах.

Фото Елены Сунгатовой (art16.ru)

Думали лишь о побеге.

Из показаний гвардии сержанта Габбаса Нигматулловича Кадермаева, 1921 года рождения, участника битвы за Берлин и освобождения Праги (20.12.1954 года):

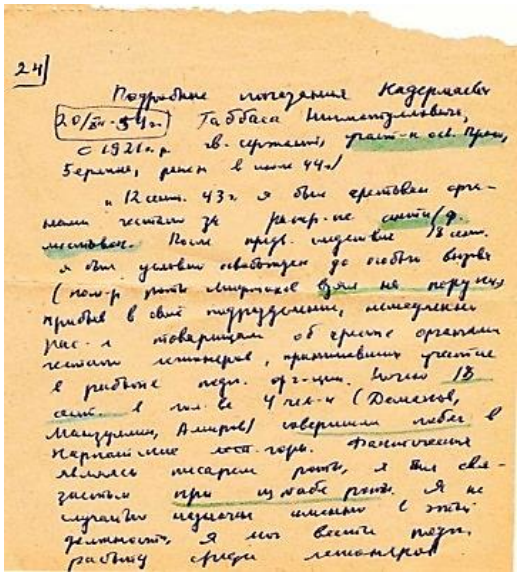
«В легионе я был писарем роты, связистом при штабе, потому мог вести пропаганду среди солдат. Помогали мне авторитетные командиры, которые активно участвовали в работе подпольной организации. Я распространял листовки, выпускаемые политкомитетом «За Родину».

В результате первый батальон легиона, отправленный на Восточный фронт, по прибытии в Белоруссию уничтожил немецких командиров и совершил организованный побег в леса. После этого во втором батальоне гестапо арестовало более 60 человек, а остальных отправили во Францию.

Не случайно по прибытии в город Станислав из личного состава 3-го батальона арестованы большинство командиров рот и взводов, в том числе Атнашев, Абдулгалиев, Бурханов и другие. Они обвинялись в подготовке общего побега.

Побег действительно уже был подготовлен, назначены надежные командиры рот и взводов, которые должны были взять на себя командование со дня побега. Ожидался лишь удобный момент для поднятия всего батальона. Неудобство заключалось в том, что батальон был распределен по мелким городишкам. Совершать побег отдельными группами категорически запрещалось лидерами подпольной организации.

Нашлись предатели, которые донесли гестапо, и общий побег не состоялся. Многие бежали, кто как сумел. Остатки батальона обезоружили и отправили во Францию.



Рукопись Мустафина. Кадермаев

12 сентября 1943 года меня арестовало гестапо за распространение антифашистских листовок. Командир роты Мифтахов поручился за меня, рискуя головой, и потому 18 сентября меня условно освободили. Я, конечно, рассказал всем в легионе, что начались аресты соучастников подполья. Потому мы вчетвером (я, Деманов, Минзуллин и Амиров) решили бежать в Карпатские горы».

Свидетельство выжившего

До сих пор встречаются в СМИ сомнения в том, что среди казненных 25 августа 1944 года в Берлине под фамилией Гумеров был именно Муса Джалиль.

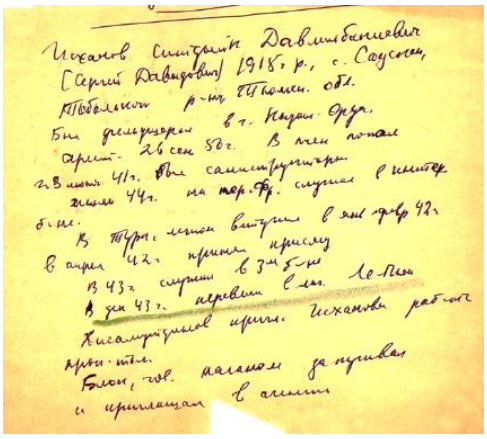
Вот одно из свидетельств, написанных совершенно не заинтересованным в очищении имени поэта казанцем, который так и остался реабилитированным в ссылке в Караганде.

Прочитав статью Р. Мустафина о Джалиле 8 марта 1968 года в «Литературной газете», посчитал необходимым написать свои показания Назир Нургалиевич Надеев, 1908 года рождения.

В 23 года он стал инспектором путей сообщения. В 1937 году защитил кандидатскую диссертацию в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта. До 1941 года был деканом факультета Казанского института инженеров коммунального строительства. Мусу Джалиля хорошо знал еще до войны.

22 ноября 1941 года попал в плен, направлен в Вустрау, где и встретились с Мусой. Были вместе в легионе. В январе 1943 года Надеев впервые попал в Берлин. Работал чертежником в частном бюро. И хотя Джалиль в личных беседах неоднократно предлагал ему принять участие в подпольной работе, признается, что струсил. Был даже делегатом курултая мусульманских народов в Германии.

Но считал своим долгом подтвердить, что получил записку от общего знакомого из тюрьмы, что на его глазах обезглавили именно Мусу Залилова и Абдуллу Алиша. И что самое главное — даже тюремщик был поражен мужеством обреченных на смерть.Деталь? Но вполне убедительная.



Рукопись Мустафина. Исхаков

Показания смертника

Из допроса бывшего легионера Ситдыйка Давлетбакиевича Исхакова, арестованного 26 сентября 1950 года и приговоренного 3 февраля 1951 года к расстрелу советским судом.

«Родился в 1915 году в селе Саускан Тобольского района Тюменской области. До войны работал фельдшером в городе Кызыл-Орда. В армии был санинструктором. Попал в плен 28 июня 1941 года. В апреле 1942 года уже принял присягу в Туркестанском легионе на верность фюреру. Принимал участие в военных действиях на стороне вермахта под Сталинградом и Элистой. Дослужился до должности унтер-офицера». В начале 1943 года доказал своему командованию, что заразился венерической болезнью и был отправлен в тыл, в Польшу. Тогда же был завербован отделом I С немецкой военной разведки. Его перевели в батальон Волго-Татарского легиона с задачей выявлять «подозрительных». В декабре 1943 года он был уже во французском городе Ле-Пюи, в котором и началось через несколько месяцев антифашистское восстание татар.

Один из активистов-подпольщиков Рушад Белялович Хисамутдинов, чудом оставшийся на свободе, пригласил новичка поработать «пропагандистом», то есть вести антифашистскую агитацию среди легионеров.

Результаты предательства Исхакова приписывали татарскому писателю Гаязу Исхаки, который никак не запятнал себя сотрудничеством с фашизмом. И неудивительно, что Исхакову уделено такое пристальное внимание некоторых исследователей: это именно он завербовал Махмуда Ямалутдинова (1921 года рождения, уроженца поселка Семиозерка Кустанайской области), который сыграл роковую роль в деятельности джалильцев.

Вот как описывает детали предательства своего сотрудника Исхаков:

«Ямалутдинов (уже был унтер-офицером, награжденным медалью для восточных добровольцев) был зачислен в культвзвод с агентурным заданием. В августе 1943 года он принес ко мне в санчасть две прокламации на русском языке антифашистского содержания. Сказал, что их привез из Берлина Батталов, что нашел их под матрасом у Сайфульмулюкова. Листовок много и скоро они будут распространяться среди легионеров по всем подразделениям. Он сообщил, что легионеры собираются бежать к партизанам и предлагали ему присоединиться. Мы вместе доложили об этом Блокку (немецкому офицеру). На второй день был произведен арест легионеров».

Упоминается в показаниях предателя писарь 6-й штабной роты 827 батальона легиона «Идель-Урал» Габбас Нигматуллович Надырмаев, которому удалось 17 сентября 1943 года с группой товарищей уйти к партизанам.

И Исхаков, и его агент Ямалутдинов не смогли избежать возмездия, оба были расстреляны. Но их свидетельства лишний раз подтверждают, на каком высоком уровне велась подпольная работа в легионе «Идель-Урал» и какую роль в ней играли Г. Баттал и Ф. Сайфульмулюков.

Конечно, это лишь малая часть записок джалилеведа Мустафина. Есть реальная возможность подготовить продолжение.

Михаил Черепанов, фото предоставлены автором

Справка

Михаил Валерьевич Черепанов — заведующий Музеем-мемориалом Великой Отечественной войны Казанского кремля; председатель ассоциации

«Клуб воинской славы»; член редколлегии Книги Памяти жертв политических репрессий РТ. Преподаватель дополнительного образования Казанского Дворца детского творчества им. А. Алиша. Заслуженный работник культуры Республики Татарстан, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, лауреат Государственной премии РТ.

Один из создателей 28-томной книги «Память» Республики Татарстан о погибших в годы Второй мировой войны, 19 томов Книги Памяти жертв политических репрессий Республики Татарстан и др.

Создатель электронной Книги Памяти Республики Татарстан (списка уроженцев и жителей Татарстана, погибших в годы Второй мировой войны).

Автор тематических лекций из цикла «Татарстан в годы войны», тематических экскурсий «Подвиг земляков на фронтах Великой Отечественной».

Соавтор концепции виртуального музея «Татарстан — Отечеству».

Участник 60 поисковых экспедиций по захоронению останков солдат, павших в Великой Отечественной войне (с 1980 года), член правления Союза поисковых отрядов России.

Нельзя не сказать и о том, что в увековечивании памяти джалиловцев-курмашевцев значительную роль сыграл первый президент Татарского ПЕН-центра Международного ПЕН-клуба, народный писатель Татарстана Туфан Миннуллин. Будучи депутатом Верховного Совета СССР, он обратился в высшие инстанции страны с обращением о должной правительственной оценке стойкости и мужества, проявленной группой татар в подпольной антифашистской борьбе. В итоге 5 мая 1990 года вышел указ Президента СССР Михаила Горбачева «О награждении орденом Отечественной войны I степени активных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». В списке были названы все 10 соратников Мусы Джалиля.

Источник: http://rt-online.ru/vspomnim-poimenno-kazhdogo/

© Газета Республика Татарстан

Гости столицы Татарстана могут подняться на площадь у Казанского Кремля и увидеть величественный памятник Мусе Джалилю и барельефы его соратников по антифашистскому подполью, высеченные в бронзе. (Автор памятника и барельефов – известный скульптор, народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий Владимир Цигаль)

Источник: http://rt-online.ru/vspomnim-poimenno-kazhdogo/

© Газета Республика Татарстан

Тоскую, Родина моя!
Адель Кутуй (1903 – 1945)

Кутуев Адельша Нурмухамедович из 40 лет, отпущенных ему судьбой, около 20 лет – с 1922 г.был связан с Казанью, куда переехал из Самарской губернии. После окончания Восточно-педагогического института преподавал в школах и вузах Казани, а с конца 20-х годов началась разносторонняя литературная деятельность молодого поэта. драматурга, публициста и критика, взявшего псевдоним Адель Кутуй. Кумирами писателя были Максим Горький и В.Маяковский, стихи которого он переводил на татарский и мастерски их читал, чему свидетелем стал сам Маяковский во время приезда в Казань. Широкая, располагающая к себе улыбка, простота и доступность в общении с любой аудиторией, блестящий полемист и умный собеседник – таким он остался в памяти тех, кто его знал.Тонкий психологизм в обрисовке образов своих современников – в рассказах «Один день Султана», «Муки совести», «Как быть», пьесах «Ответ», «Песня жизни», принесших известность автору в 30-е годы. И, конечно, замечательная повесть «Неотосланные письма» - глубоко лирическое произведение, которое для читателей явилось энциклопедией возвышенной любви и бескорыстной дружбы, переведенная на многие языки нашей страны.

С первых недель войны Адель Кутуй уходит добровольцем на фронт, проходит военными дорогами как рядовой солдат – артиллерист, затем боевой офицер, а незадолго до окончания войны корреспондент фронтовых газет. Кутуй прошел от Сталинграда до Польши, но зимой 1945 года сильно подорвал здоровье: очень простуженный, он выезжал на передовую и делал репортажи, пока не слег окончательно. Судьба уберегла его от пуль и снарядов, но с фронта он не вернулся: в эвакогоспитале №2606 города Згеж Кутуй умер через месяц после окончания войны — от острой формы туберкулеза. В Польше он и похоронен.

Очерки, лирико-патриотические стихи Аделя Кутуя, такие как «Родина», «Утренние раздумья» поднимали дух солдат, были полны веры в скорую победу над врагом. Как военный корреспондент сотрудничал со многими фронтовыми газетами, раскрывая в публицистических статьях и очерках яркие образы советских солдат, их духовное величие, мужество и несгибаемую волю к победе.

Адель Кутуй храбро сражался под Сталинградом, дошел с боями до Польши – за мужество и отвагу награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны 1 степени, медалями. Отважный писатель и воин ушел из жизни 16 мая 1945 года в военном госпитале в польском городе Згев. Дело Аделя Кутуя продолжил его сын, известный писатель Рустем Кутуй. В ознаменование заслуг писателя в 1964 году улице Вознесенский тракт в Советском районе Казани присвоено имя Аделя Кутуя.

Мне из окопа видно озерко.
Игра лучей становится живее.
Как вдохновенье, солнце высоко!
Я думаю о нем, благоговея.
Как я люблю, весенний Ленинград,
Твоих проспектов гордое сиянье,
Бессмертную красу твоих громад,
Рассветное твое благоуханье!
Вот я стою, сжимая автомат,
И говорю врагам я в день весенний:
— Вы слышите сирени аромат?
Победа в этом запахе сирени!
Что может сделать самый черный враг,
Когда здесь даже ночью мрак неведом?
Как звонок белой ночью каждый шаг!
Не такова ли музыка победы?
Красноармейцы двинулись в поход,
За танками стремятся пушки следом,—
В доспехах боя истина идет.
Не таково ли торжество победы?
Насытить глаз и сердце не могу,
Хочу я вдосталь дивом насладиться.
Я русскую столицу берегу,
Чтобы жила татарская столица.

1942

Перевод с татарского С. Липкина

ТОСКУЮ

Стихотворение в прозе

Перевод Р. Кутуя

Удивительные, душистые цветы чужой стороны. Я вдыхаю их аромат. Я вдыхаю, но мне все равно не хватает воздуха — спазмы в горле. Тихий запах полыни с родного поля исцелил бы меня.

Тоскую, сильно тоскую по тебе, Родина моя.

Я из чистых ключей, из глубоких колодцев пью ледяную воду. Я пью, но не могу утолить жажду. По вольной Волге, широкому Дону, быстрой Арагве и светлому Диму я тоскую. Тоскую по их родной воде — только глоток, только глоток из устоявшегося лугового озера я пил бы, как редкое вино.

Я тоскую, сильно тоскую по тебе, Родина далекая.

Я шел через Карпаты. Я у финляндских озер отдыхал, но не видел ничего вдохновеннее Казбека, величественнее Эльбруса, легче белых чаек на родных озерах ничего не встречал.

Разве повторима твоя красота, Родина моя?

Я прохожу через деревни, города чужой стороны. Я иду в Берлин. Букеты цветов несут мне дети. Седые старики прозрачное вино наливают мне. Девушки-чужеземки протягивают из корзин виноград и улыбаются, говоря:

— Ты нас от смерти спас. Иди к нам, красивый парень. Нашим гостем будь. Останься с нами…

Но я не могу улыбаться — их вино не опьяняет меня, их улыбки не согревают меня, и я продолжаю дальше свой путь. Я будто вижу веселые, с рассыпающимся гомоном праздники в далеком доме, когда даже усталые ноги танцевать идут от легкого вина. Я будто вижу тонких девушек, и они согревают меня, смеющиеся дети согревают меня.

Я гордо иду — я в чужбине победителем, не пленником прохожу. Для меня распахнуты ворота каждого двора, любые двери для меня открыты. Но я не войду в них. Я думаю о святом доме своей земли. Я спешу к нему, к его порогу. Я знаю, дорога к дому лежит через Берлин — и я спешу туда, чтоб никогда не было мучительного расставания с Родиной.

Ярость закипает во мне, нестерпима тоска по родному краю, и я запеваю:

Родина ваша некрасивая.
Вода ваша невкусная.
Домой возвратиться хочу.

Я пою. Мы выходим на площадь. Девушки польки поздравляют нас, хорошие песни поют нам, но моя душа далеко — я по своей Красной площади тоскую, я из дома присланные письма читаю. Друзья и родные мои спрашивают меня:

— Скучаешь ли?

Сердце сжимается. Я отвечаю:

В большой дороге
К Родине моей
Мне телеграфные столбы
Указали путь.

— Тоскуешь ли? — спрашиваете. Разве можно не тосковать.

Истосковался, сильно истосковался по тебе, Родина моя.

Любовь к тебе окрыляет меня, возвышает меня, приближает к тебе.

Где, как не на чужбине, открываешь вдруг, затосковав, что нет для человека дороже единственной Родины, священнее ее.

Чем больше тоскую, тем острее тосковать хочется. Грусть настолько сильна, что верю в возвращение.

А если не возвращаться — зачем тосковать?
Я тоскую по тебе, очень тоскую, Родина моя.

Салих Баттал (Батталов Салих Вазыхович) (1905 – 1995)

Салих Баттал – представитель старшего поколения татарских писателей, поэт, драматург, первые литературные опыты которого относятся еще к 20-м годам прошлого столетия. А до того - тяжелое голодное детство, скитания в первые годы после опустошительной гражданской войны в поисках заработка. Началом литературной работы Салиха Баттала можно считать стихотворение «Заря молодежи», напечатанное в 1924 году в выходившей на татарском языке московской газете «Эшче». У каждого человека есть мечта. Для кого-то она так и остается мечтой, но есть такие настырные и смелые люди, которые непременно воплотят свою мечту в жизнь. К ним относился Салих Баттал. Он поступил в Ленинградскую школу Военно-воздушных сил, где успешно освоил теорию летного дела, прошел практику в Оренбургской школе воздушного боя. Между прочим, именно там познавал искусство летного мастерства знаменитый советский летчик Валерий Чкалов. Салих Баттал освоил полеты на самых разных типах самолетов, служил в авиаотрядах Брянска и Казани. В 1933 году стал летчиком-испытателем в специальном конструкторском бюро. В одном авиаотряде с Батталом служил Михаил Каминский — будущий известный советский полярный летчик. В книге "В небе Чукотки" Салих Баттал очень высоко оценил вклад своего друга в развитие отечественной авиации. Так вышло, что Салих Баттал впервые ввел в молодую татарскую литературу тему героической летной романтики, опередив на два десятилетия русскоязычных казанских авторов - тоже профессиональных летчиков – Я.Винецкого и Ю.Белостоцкого. Рассказы С.Баттала вошли в сборники «Песнь годов», «Змей и аэроплан», а в 1936 году вышел роман «Летчики». Во время Великой Отечественной войны Салих Баттал – военно-морской летчик в составе Тихоокеанского флота, принимает участие в военных действиях против Японии. Суровые будни войны и героизм советских воинов Салих Баттал запечатлел в поэме «Капитан Гастелло» (1942). В 1944 году вышел сборник «Родина-мать».

В послевоенное время С.Баттала охотно печатали центральные издания, в т.ч. журнал «Новый мир». Широкую известность получила поэма в стихах «По столбовой дороге».

Ее считают одним из самых замечательных произведений татарской поэзии 50-х годов прошлого века. В повести нашли отражение социальные противоречия села. Прямота и смелость суждений автора этого произведения не понравилась номенклатурным татарским критикам того времени, повесть даже не хотели издавать на языке оригинала. Поэтому впервые она была напечатана на русском языке в журнале "Новый мир". В 1957 году за заслуги в области литературы Салих Баттал был награжден орденом Трудового КрасногоЗнамени.

Источник: http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-38203/© Газета Республика Татарстан

СПИСКИ

Появляются чаще и чаще
Списки тех, кто в боях награжден,
Списки милых, но разно звучащих
И по-разному близких имен.

Средь Иванов, Василиев, Ладо
То Шамиль промелькнет, то Джаудет.
Есть для сердца большая услада –
Видеть их на страницах газет.

Мол, татарин! Но край наш обширен.
Где подобного имени нет?
Может быть Шамилем и башкирец,
Средь узбеков найдется Джаудет!

Но, по правде сказать, беспокойства
Я не чувствую: знаю, что нас
Навсегда породнило геройство
В этот грозный для Родины час.

Ахмет Файзи (Файзуллин Ахмет Сафиевич) (1903-1958)

Сын сапожника из Уфы с детских лет «прикипел» к чтению книг, перечитав, по его словам, «почти все произведения К.Насыри, Г.Тукая, Н. Думави». Первые его поэтические опыты относятся к 1915 году, правда, сам автор оценивал их весьма критически. Прервав в голодные 20-е годы учебу в Оренбургском Восточном институте, молодой поэт в поисках работы после скитаний по стране попадает в шахтерский Донбасс. И вот здесь, ведя культурно-просветительскую работу среди татарской рабочей молодежи, Ахмет Файзи встречается с Аделем Кутуем, который стал его «крестным отцом» в литературе. Стихи Файзи появляются в печати, и вскоре он в 1929 году приезжает в Казань, тогдашнюю «Мекку» для творческой тюркоязычной молодежи.

Творческая дружба связала А.Файзи – опять-таки через А.Кутуя с «татарским Маяковским» – Хади Такташем. «Красный певец» – так назывался первый сборник Файзи, увидевший свет в 1927 году. Начавшаяся война обозначила новый этап в жизни и творчестве Ахмета Файзи. Он добровольцем уходит на фронт и становится военкором фронтовых газет «Фронтовая правда», «За Родину», «Советский воин». Он пишет поэму «Дыханье рождения» о мужестве жителей блокадного Ленинграда, а также стихи о боевых буднях советских солдат.

После войны Ахмет Файзи выступает как драматург и автор либретто музыкально-драматических произведений татарских композиторов: Н.Жиганова («Муса», «Беглец»), Д.Файзи («Чайки»), Ф.Яруллина («Шурале»). Заслуженный деятель искусств ТАССР и РСФСР А.Файзи за роман «Тукай», ставший явлением в татарской прозе, был удостоен звания лауреата Тукаевской премии.

Памяти Ф. Карима

Грозе весенней ты окно открой,
Пусть хлынет ливень, расцветут цветы!
К тебе вернусь я с первою грозой,
Фронтовику навстречу выйдешь ты.
Но, может быть, минуя отчий дом,
Пройдут весны сияющие дни,
И все-таки на светлый мир кругом

Счастливыми глазами ты взгляни.
Быть может, на чужбине, у Карпат,
Моя любимая, паду в бою:
Я знаю, есть бессмертье для солдат,
— Услышишь обо мне в родном краю.
В ликующий, победный день Земли
Героя имя до тебя дойдет,
Как после молний, вспыхнувших вдали,
Гром запоздалый с голубых высот. 1944

«Погиб на боевом участке фронта» А.Г. Бендецкий, артист и поэт(1911-1943)

Судьба отмерила ему всего 32 года. Уроженец маленького городка Золотоноша на Полтавщине перепробовал много профессий, колеся по стране, пока в 1932 году не переехал жить в Казань. До 1934 года он работает экономистом в Татарской областной конторе Торгсина, с 1939 года – в плановом отделе Татгосиздата и без отрыва от производства учится на рабфаке. Затем поступает в Казанский институт инженеров коммунального строительства, с третьего курса которого переходит на вечернее отделение Казанского государственного педагогического института. Именно в городе на Волге Александр Григорьевич Бендецкий нашел свое призвание. В апреле 1939 года А. Бендецкий становится артистом Татгосфилармонии. Именно здесь он нашел свое призвание артиста. Вообще, многие, с кем сталкивала судьба этого энергичного, искрящегося радостной улыбкой (таким он изображен на фотографиях) молодого человека, считали его удачливым: за что бы ни брался Александр Бендецкий, у него все получалось! А с началом Отечественной войны А.Бендецкий в составе фронтовой бригады выезжает в воинские части. С началом Великой Отечественной войны в составе бригады артистов был командирован Управлением по делам искусств при Совете Министров ТАССР на обслуживание воинских частей.

С 1942 года в составе бригады выступал в Костромском батальоне выздоравливающих, в воинских частях и госпиталях Ивановского гарнизона.1 мая 1943 года на одном из участков фронта Александр Бендецкий был тяжело ранен. Скончался в госпитале.

В мае 1943 года семья писателя получила письмо с фронта: «1 мая в 21.00 1943 года нас постигла тяжёлая утрата: Александр Григорьевич Бендецкий, находясь на боевом участке фронта, героически погиб. 29 апреля под руководством А. Г. Бендецкого наш ансамбль дал концерт для личного состава. Саша

исполнил шесть номеров с огромным успехом. Он должен был выступить и первого мая в семь часов вечера, но в четыре часа дня осколком вражеского снаряда был тяжело ранен. В девять вечера скончался в госпитале».

Еще до войны, в 1940 году А.Бендецкий был принят в члены Союза писателей СССР. В коллективных сборниках «Родина» (1940), «Кровь за кровь» (1942), в газете «Советская Татария» печатались его стихи «Девушка», «Звезды», «Партизанский отряд», «Хлеб с солью», «Дружинница». С увлечением Александр Бендецкий брался и за переводы татарских поэтов, популяризируя их творчество. Новую жизнь получали в переводе А.Бендецкого стихи Г.Тукая, С.Хакима, А.Алиша, Н.Даули. Перевёл на русский язык «Шурале», «Сенной базар, или Новый Кисекбаш», «Родной аул» Г. Тукая, «Мамины сказки» А. Алиша, стихи С. Хакима, А. Кутуя, Н.Давли. В содружестве с А. Кутуем переводил пьесу Т. Гиззата «Потоки», в 1940 г. редактировал сборник стихов Г. Тукая на русском языке. Последнее произведение, переведённое им на русский язык, - пьеса Ш. Зайни «Леший», написанная для детей по мотивам сказок Г. Тукая. Член Союза писателей СССР с 1940 г.

Война оборвала жизнь талантливого литератора.

Рифмовать не сложно.Трудно быть поэтом
Сибгат Хаким (1911 – 1986)

Хакимов Сибгат Тазиевич (1911 – 1986) - деятель культуры, советский татарский поэт, автор текстов песен, публицист и общественный деятель родился 4 (17 декабря) 1911 года в деревне Кулле-Кими (ныне административный центр муниципального образования «сельское поселение Кулле-Киминское», Атнинский район, Республика Татарстан) в бедной крестьянской семье. В 1931 году учился на рабфаке в Казани, затем поступил в Казанский педагогический институт, который окончил в 1937 году. Учёба в педагогическом институте, первая книга... Она не вышла. Уже набранную, её рассыпали в типографии. Тридцатые годы были тяжёлыми в судьбе республики. Один за другим исчезали люди. Махмут Галяу, начинающий талантливый прозаик, выбросился из окна тюрьмы. Шамиль Усманов, красный боец, описавший борьбу за советскую власть, во время допроса, не выдержав унижений, выколол себе глаза ручкой и умер от заражения крови. Фатых Карим написал поэму о пограничниках, где в схватке с японцами советский солдат погибает. Произведение посчитали непатриотичным. Дали указание исключить его из комсомола. Сибгат Хаким был руководителем комсомольской ячейки. Он отказался его исключать. Тогда исключили обоих.

Год прошёл без работы, под присмотром органов. Жил на квартире под кремлём, напротив тюрьмы, где впоследствии сидел его друг Фатых Карим. Существует легенда о том, что перед самой войной Хасан Туфан там встретил Фатыха Карима, у которого на ногах были старые шины, перевязанные проволокой... Одного отправили в Сибирь, другого бросили под Кёнигсберг.

Сибгат Хаким вспоминает, что ему порой слышались голоса из городской тюрьмы. Гази Кашшаф, работавший в Союзе писателей секретарём, подбрасывал ему работу - писать рецензии на литературные произведения, а из деревни брат привозил картошку. Кое-кто из друзей приходил к нему, когда стемнеет, неся за пазухой булку. Сибгат Хаким думал уехать в деревню, но руководитель партийной организации ему намекнул, что, мол, мы тебя везде достанем, а во время войны сам погиб в Австрии.

Счастье Сибгата Хакима было в том, что он не успел написать ничего существен¬ного. В 1938 году вышло постановление Сталина о перегибах в политике, и его вернули на работу, но книга так и не вышла.

Призван в Красную Армию в 1941 году, с мая 1942 года участник боевых действий. Окончив офицерские курсы, командир взвода, затем роты участвовал в боях под Ржевом, Харьковом и чудом избежал смерти в кровавой мясорубке под Курском, когда от батальона в живых осталось только 9 человек, в том числе контуженный, но живой комроты С. Хаким.

Сибгат Хаким говорил, что война его преследовала всю жизнь.

Как ни смотришь, глаз не сыщет
Под водою берегов.
Пахнет дымом пепелища,
Горьким дымом очагов.

Что остались подо Ржевом,
Под Орлом и под Дугой,
Пахнет стылостью замшелой
Изб с покинутой трубой.

Словно ветры из – под Курска
Донеслись ко мне сюда.
Горечь запаха и вкуса
Сквозь туманы – холода.
Словно вновь над миром трубы
Оголенные торчат,
И у песни мои губы
Опаленные дрожат.

За боевые заслуги командир взвода стрелковой роты 1243-го стрелкового полка 375-й стрелковой дивизии лейтенант Хакимов в августе 1943 года награждён орденом Красной Звезды.

В 1963—1967 годах был членом Президиума Верховного Совета Татарской АССР. В 1965 году стал секретарём СП РСФСР.

В военные и послевоенные годы Хаким создал ряд произведений о войне, героизме, подвигах на фронтах и в тылу. Его перу принадлежат поэмы «Садоводы» («Бакчачылар»), «Через кручи» («Үрләр аша», о строительстве нефтепровода «Дружба»), «Дуга» (о Великой Отечественной войне).

Зовут на торжество то там, то здесь
Нас в города, что мы освобождали.
Гремит «ура». И здравицы звучат
В сверкающем огнями зале.

Я крадучись, тихонько выхожу
В степи, за городом, от вьюги задыхаясь,
И надрываясь, в прошлое кричу,
Зову друзей, что здесь навек остались.

И узнаю знакомый звук шагов.
Из вечности, из глубины сугробов
Стекаются погибшие друзья
На голос мой – из блиндажей, окопов,
Из рвов, щелей, траншей идут, идут.
На полушубках белые халаты,
Заиндевевшие в буранах лет,
Идут мои товарищи – солдаты….

Рифмовать не сложно. Трудно быть поэтом.

Можно написать роман или же трактат, а можно в четырёх строках выразить всю боль человечества.

Друг Гарафи

Почти что год, как он покинул дом,
уехал из родимой стороны,
но до сих пор, скитаясь по тылам,
еще не нюхал истинной войны.

Я с ним солдатским опытом делюсь —
ох, нелегко он доставался мне:
война на праздник не похожа ведь
и всякое бывает на войне.

«Как хорошо, что я теперь с тобой», —
услышал я его глубокий вздох.
Он торопливо просит: «Объясни,
как ты себя от смерти уберег».

«Сперва прилежно каску я таскал —
и в жаркую погоду и в мороз.
Спасибо, что какой-то весельчак
ее забросил лихо под откос.

Я много верст с винтовкой прошагал,
узнал войну не по страницам книг
и видел столько крови и смертей,
что удивляться этому отвык.

Как выжил я? Не знаю, право, сам:
быть может, мой черед не наступил.
Но до сих пор ни бога, ни горздрав
я о спасенье жизни не молил.

Почетна смерть на поле боевом —
рази врага и умереть не трусь!
Но от тебя мне не к чему скрывать,
что плена я действительно боюсь.

Откуда знать, что будет впереди?
Ведь я тебе еще не рассказал,
что прошлым летом, потеряв своих,
я окруженья чудом избежал.

Вокруг меня сгустилась темнота,
последний луч безжалостно погас.
Подумал я, что он уже настал,
мой смертный срок и мой последний час.

Друг Гарафи, кто спас меня в ту ночь?
Я и теперь не приложу ума:
настойчивость, счастливая судьба
или, быть может, родина сама…»

Удивительными бывают судьбы некоторых стихов. Во время войны песня «Томление» стала фантастически популярной. Фольклористы нашли тридцать четыре её варианта. Многие до сих пор не подозревают, что у неё есть автор, песня стала в буквальном смысле народной. Во время одного из застолий пели эту песню и начали спорить по поводу слов. Один другого стал упрекать, что он неправильно поёт. Никому в голову не пришло, что автор сидит за столом и с любопытством слушает их со стороны. Наверное, это вершина творчества, когда об авторе забывают. Есть ещё несколько песен, написанных Сибгатом Хакимом и ставших народными. Одного маститого писателя мне пришлось долго убеждать в том, что песня «Родник Фазыла» авторская, а не народная. Он с трудом поверил.

Во время войны люди ждали любимых, родных с фронта, и эта тоска заставляла их вкладывать свой смысл в песню «Томление».

Не говорю тебе я про любовь,-
Приникни ближе к сердцу моему!
Домой уж птицы прилетают вновь,
Но где же ты и медлишь почему?

О Сибгате Хакиме вспоминает Любовь Агеева

По моим представлениям, это был самый негромкий поэт Казани. Он никогда не стремился выходить на первый план, практически не был публичным человеком, хотя общественной жизни не чурался. В 1963-1967 годах был членом Президиума Верховного Совета Татарской АССР. Работал заместителем председателя правления Союза писателей республики. В 1965 году Сибгат Хаким был избран секретарем правления Союза писателей РСФСР.

И все-таки, как мне казалось, известность его даже тяготила. Мы встречались на многих мероприятиях, работая в отделе культуры «Вечерней Казани», была знакома с писателями и поэтами, со многими общалась. Но Сибгата Тазиевича среди моих знакомых не было.

Как оказалось, мое представление о поэте согласуется с мнением человека, который знал Сибгата Хакима куда лучше меня. У меня есть книга стихов Хакима под

названием «Избранное», изданная московским издательством «Советский писатель» в 1984 году. Предисловие в виде очерка о поэте написал Рафаэль Мустафин. Вот несколько фрагментов из него:

«Есть у Сибгата Хакима небольшое, но необычайно емкое по содержанию стихотворение «Весенние караваны».

Начинается оно на безмятежно-умиротворенной ноте. Первая послевоенная весна. Снега, облитые солнцем. Мартовская дрема. Неспешный бег саней... «Мне некуда спешить. Кровь отдыхает, как подо льдом мгновенная вода струит, струит весеннее дыханье. Все позади – могилы и беда, рвы, раны, темные обвалы, обугленные души деревень. Оглохнув, бури миновали, и дразнит жизнью новый день». Лишь одна мимолетно оброненная деталь настораживает: «На свете целом, как рубец, мой путь».

Речь вроде бы идет о внешнем сходстве санного следа по талым снегам с кровоточащим рубцом. Но помимо воли в сознание проникает тревожная нота.

И вот следующая картина. Навстречу попадаются солдатки с санками, везущие семенное зерно. Увязанные в темные платки, наклоненные до самой земли, «как гуси дикие, пред ширью оробелые», они тянут нелегкую поклажу по мокрому снегу. И сердце поэта наполняется не просто жалостью – чувством вины перед женщинами:

«Весенний караван в пустынном поле,
поклон тебе и тихое: прости...
Ломоть земли посыпан доброй солью
из женской нескудеющей горсти».

Откуда это чувство неизбывной вины? Разве не прошел поэт огни и воды, не мерз в сырых окопах подо Ржевом, не был контужен в тяжелых боях на Курской дуге? Не его ли взвод первым ворвался в предместья Харькова? И разве не он только что умиротворенно вздыхал: «Все позади».

В том-то и дело, что не позади, оказывается. И рано еще душе расслабляться, отдыхать, успокаиваться. Разве можно наслаждаться весной и покоем, когда, «как узелки одной веревки длинной, навстречу женщины усталые бредут, и тяжко сгорбленные спины – за валом вал – качает как в бреду» (перевод Р.Кутуя)? Нет, это даже не чувство вины – это слитность с судьбой народа. Поэт – один из узелков той «веревки длинной», которая символизирует у него цепь времени. Вот это чувство единения с народом – причастности к его судьбе со всеми бедами и трудностями – словно токами пронизывает поэзию Хакима и составляет одну из главных ее особенностей.

Я думаю, еще одна из «разгадок» воздействия поэзии Хакима заключается в том, что слово его сопрягается с большой человеческой судьбой, по-настоящему значительной человеческой личностью. Вчитайтесь хотя бы в его пейзажные

стихи. Казалось бы, обычные зарисовки, каких в поэзии – тьма-тьмущая. Но есть в них свое, трудно объяснимое обаяние. Обаяние искренности, подлинной, не замутненной человечности.

Скромность и достоинство... Вот, на мой взгляд, две главные, определяющие черты Сибгата Хакима. Он старается избежать шумихи вокруг своего имени, не терпит пустого славословия. Но всегда готов выслушать собеседника, если тот говорит о его стихах всерьез, без скидок и дежурных комплиментов. Ибо уважает свой труд и относится к нему с серьезной, вдумчивой требовательностью профессионала.

Подлинная скромность всегда идет об руку с человеческим достоинством, так же, как фанфаронство и непомерное тщеславие чаще всего служат прикрытием душевной пустоты, подспудного ощущения собственной неполноценности.

Эти качества пронизывают и всю поэзию Хакима. На вечерах и встречах с читателями, особенно когда его начинают непомерно хвалить, поэт любит читать стихотворение «Пушкин есть»: «Если я, опьяненный самим собой, сам себе венки начинаю плесть, слышу трезвый голос: прозри, слепой! Помни, Пушкин есть! Помни, Пушкин есть!».

В этих словах – глубоко запрятанная самоирония. Конечно, поэт и не думает плести себе венки – для этого он слишком хорошо разбирается в поэтических ориентирах. Но есть здесь и обращение к собственным почитателям: не захваливайте! Помните о великом!

ОГОНЁК

Лёжа на снегу за снежным валом
У окраин Ржева под огнём,
Вспоминал жену с сыночком малым
И родимый светлый тёплый дом.

А ещё, всем телом приникая
К прокалённой стужею земле,
Вспомнил я добрый клуб Тукая,
Лампочку, желтевшую во мгле.

От ракет светло, как в полдень в поле,
Хоть – за прялку, хоть бери кудель! –
Только видел я родной до боли
Огонёк неяркий сквозь метель.

Светлячком мерцал он в далях вольных,
Но отсюда, утверждая тьму,

Нелюдь из тяжёлых шестиствольных
Миномётов била по нему.

В семь накатов блиндажи заводишь,
А выходит, чтобы жить ты мог
Под огнём, – и нужен-то всего лишь
Маленький священный огонёк.

ПОДНИМАЙТЕСЬ, ПОЭТЫ!

Иногда мою душу
Давят думы, как глыбы…
Океаны и сушу,
Грохоча, обойти бы.
Свищут птицы в урманах,
Розовеют рассветы.
Из могил безымянных
Поднимайтесь, поэты!
Я вас вижу и слышу,
Незабвенные наши.
Поднимайтесь, Алиши![4]
Поднимайтесь, Курмаши!*
Снова – пламя и плаха,
И зловещи приметы…
Из кровавого праха
Поднимайтесь, поэты!
Песней мир оглашая,
А не стонами с дыбы,
Весь – от края до края –
Шар земной обойти бы.
Вы нужны нашим битвам,
И легенде, и были.
Род людской говорит вам:
Поднимайтесь, Джалили!

Переводы Р. Морана

Стихи, рожденные войной - http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=692

Зовут на торжества то там, то здесь
Нас в города, что мы освобождали.

[4] А. Алиш, Г. Курмаш – соратники М. Джалиля, казнённые вместе с ним фашистами

Гремит "ура", и здравицы звучат
В сверкающем огнями зале.
Я, крадучись, тихонько выхожу.
В степи, за городом, от вьюги задыхаясь
И надрываясь, в прошлое кричу,
Зову друзей, что здесь навек остались.
И узнаю знакомый звук шагов:
Из вечности, из глубины сугробов,
Стекаются погибшие друзья
На голос мой — из блиндажей, окопов,
Из рвов, щелей, траншей идут, идут,
На полушубках белые халаты,
Заиндевевшие в буранах лет,
Идут мои товарищи-солдаты.
Гремит "ура", и здравицы звучат.
На всех устах: "Да здравствует победа!"
Сдвигаем кружки. Мёртвых нет в тот час.
Ликует вместе с нами вся планета

1976

Запах пепелища
Как ни смотришь, глаз не сыщет
Под водою берегов.
Пахнет дымом пепелища,
Горьким дымом очагов,
Что остались подо Ржевом,
Под Орлом и под Дугой.
Пахнет стылостью замшелой
Изб с покинутой трубой.
Словно ветры из-под Курска
Донесли ко мне сюда
Горечь запаха и вкуса
Сквозь туманы-холода.
Словно вновь над миром трубы
Оголённые торчат,
И у песни моей губы
Опалённые дрожат.

1980

Про себя Сибгат Хаким говорил, что он сказал всё, что мог, и в то же время писал:

Уже казалось, будто всё, что мог -
Я написал... Какое заблужденье!
Проклюнулся, зазеленел росток,
Весна явилась без предупрежденья.
Шумит в моей Отчизне юная трава,
Иное поколенье спорит с нами.
Как недосказанные матерью слова,
Трава пробилась
сквозь могильный камень.
Пробилась, отряхнулась - и живёт.
И я живу. И в новом вдохновенье
Нет повторений. И трава встаёт -
Неповторима в каждом поколенье.

Жизнь сильнее смерти
Амирхан Еники (1909 – 2000)

Амирхан Еники родился 2 марта 1909 года в деревне Ново-Каргали Благоварского района Башкортстана. Учился в сельском медресе и продолжал образование в школе. В середине двадцатых годов приехал в Казань и сразу же включился в бурную литературную жизнь татарской столицы. Его первые рассказы появились в журнале «Безнен юл» («Наш путь»).

В 1927 году писатель уехал в Донбасс, где вел работу по ликвидации неграмотности среди шахтеров татар.

В 1931-1934 гг. он учился в Казанском институте научной организации труда, работал в различных учреждениях Казани и Баку, учительствовал в Средней Азии.

В июле 1941 года школьный учитель призывается на фронт рядовым. С первых дней войны А. Еники ушел рядовым в действующую армию. Воевал на Калининском и Первом Прибалтийском фронтах."

Я каждый день видел смерть, однако в рассказах писал о жизни, о том, что она сильнее смерти», – писал Еники. Несколько его рассказов («Бала» («Дитя», 1941), «Ана һәм кыз» («Мать и дочь», 1942), «Бер генә сәгатькә» («На часок», 1944), «Ялгыз каз» («Одинокий гусь», 1944), «Мәк чәчәге» («Маков цвет», 1944)), изданные в это время в журнале «Совет әдәбияты», вызвали горячий интерес читателей.

В 1950 году опубликован первый сборник рассказов «Солнечное утро», в 1953 году – сборник «Парень прибыл на побывку». В 1955 году в Москве издательством «Советский писатель» на русском языке выпущен сборник рассказов «Спасибо, товарищи!», получивший одобрение литературной критики. Со дня демобилизации и до 1950 года работает в Татрадиокомитете заведующим сектором литературных передач, затем – в редакции журнала «Колхоз бригадасы» («Колхозная бригада»). С 1953 года он занимается литературным творчеством как писатель-профессионал. Тем не менее его послевоенная писательская карьера не была лёгкой. Наиболее известные произведения «Тауларга карап» («Глядя на горы»), «Саз чәчәге» («Болотный цветок»), «Рәшә» («Марево») годами лежали в издательствах.

Лишь с наступлением «хрущёвской оттепели» отношение к писателю изменилось, и его книги начали издаваться. «Салават күпере» («Радуга», 1966), «Без дә солдатлар идек» («И мы были солдатами», 1971), «Хәтәрдәге төеннәр» («Узелки памяти», 1983), «Соңгы китап» («Последняя книга», 1986) и многие другие произведения Еники увидели свет на татарском и других языках бывшего СССР.

С конца 80-х годов Амирхан Еники перестал писать художественные произведения и посвятил себя публицистике.

Амирхан Еники скончался 16 февраля 2000 года в возрасте 90 лет и был похоронен в Казани.

2 марта 2019 года исполнилось 110 лет известному татарскому писателю Амирхану Еники. Он пользовался огромным уважением не только у татар. Может, потому, что по возрасту был мудрецом и, борясь за возрождение родного языка, никого не обидел, может, потому что был настоящим писателем.

Известный драматург и общественный деятель Туфан Миннуллин называл его «аристократом татарской литературы». Это действительно так и было. В нем все: от происхождения, горделивой осанки, поведения, каждого слова, написанного его пером, веяло знатностью.

Интересно, что Коран подарил будущему писателю его отец — мурза Нигметзян. В дарственной надписи он сообщил, что приобрел книгу в 1908 году на ярмарке за 45 копеек серебром. И далее точная цитата: «Дарю сие священное писание моему сыну Амирхану, который родился в 1909 году, 16 февраля, в четверг. Прошу великого Аллаха даровать ему долгую жизнь, счастье и разум…».

Пожелания отца сбылись. Долгой и яркой была его жизнь, светлой стала память о нем. Амирхан ага прожил долгую, полную радостных и горестных событий жизнь.

В послевоенные годы работал в Татарском радиокомитете и в журнале «Колхозная бригада».

Широкий отклик среди читателей вызвали повести А. Еники «Марево», «Совесть», «Тайна сердца», «Гуляндам», «И мы были солдатами», «Медный колокольчик» и др. В этих произведениях отчетливо сказалась тяга писателя к постановке крупных социальных вопросов, рассматриваемых однако в этическом плане.

А. Еники считается крупнейшим мастером рассказа в татарской литературе послевоенных десятилетий. Такие его рассказы, как «Глядя на горы», «Невысказанная заповедь», «Успокоение» и др. считаются признанными образцами этого нелегкого, но столь необходимого жанра. Рассказы А. Еники отличаются особой мелодичностью, глубоким психологизмом, подлинной поэтичностью.

На кого же посмотрю я завтра, в грусти забывшись тоскою

Литературный перевод рассказа Амирхана Еники «Кто пел?»

В один из дней Великой Отечественной войны осенней ночью, окутавшей всё тягостной темнотою, на маленькой разбитой станции остановились друг против друга два эшелона. Один из них вёз на фронт свежую воинскую часть, в другом – раненые с фронта. Эшелоны состояли из красных вагонов и отличались лишь тем, что вагоны санитарного поезда были теплушками, обогревались маленькими железными печками.

Вокруг ни одного здания – все разрушено. Поэтому землянка, сложенная из нескольких рядов бревен, засыпанных землей, выглядит особенно одиноко, горбатясь на безлюдном поле безымянным надгробьем.

На всей станции хоть бы один огонек затеплился – темнота холодным безмолвием наполнила мёртвую тишину. Лишь кровавое зарево, струящееся из-за горизонта и залившее всю кромку неба, плавит небосвод. Но это не восход – это война. Земля, вокруг вспаханная фронтом, была живой, пышущей всеми оттенками черного. По ней струилась еще не совсем мертвая, разбавленная тишина. Тихий храп из одного состава вплетался в неё, делая живой, который перекликался с тяжёлыми стонами, доносящимися из другого. Видно, кто-то не может сомкнуть глаз от страданий, а кто-то высыпается в последний раз.

В одном из теплушек на нижней полке лежит тяжелораненый молоденький лейтенант, татарин. Ему очень плохо: правая нога выше колена ампутирована – началась гангрена. Вот уже целые сутки он лежит в бессознании: не может ни проснуться, ни уснуть. Временами, очнувшись, он открывает уставшие от мучений глаза, видит стоящую рядом медсестру, чувствует на лбу её холодную ладонь. На минуту становится легче. Вот только нога чешется, правая, которой уже нет. Но это состояние длится недолго. Опять по всему телу растекается огонь,

глаза наполняются пламенем. Вскоре веки медленно опускаются, и парня охватывает горячий туман. Он уже не чувствует ни прикосновений медсестры, ни острия шприца.

Так, пытаясь ухватиться за жизнь, страдает от жгучей боли паренек. Надежды у врачей мало, они хорошо знают, насколько это ужасная штука – гангрена. Облегчить положение больного в дорожных условиях почти невозможно.

После остановки на этой станции парень в очередной раз на миг вернулся из небытия, открыл воспалённые глаза и в мутно-желтоватом свете едва различил медсестру. Она хранила молчание, вызванное чувством вины за свое бессилие. Войне не удалось заглушить ее человеческие чувства: она страдала за лейтенанта, не могла равнодушно смотреть на его муки.

Потемневшие, высохшие губы бессильно разомкнулись, силясь что-то вымолвить: парня мучила жажда. Медсестра сразу поняла это и осторожным движением смочила его губы водою из алюминиевой кружки. У него уже не осталось сил поблагодарить, он только поднял на неё чуть потемневший взгляд, моргнул ресницами.

И в этот момент его слуха коснулась едва слышимая песня. Татарская песня! Паренек, затаив дыхание, замер. Что слышит он?! О боже! Не его ли Тахира поет?! Ведь она, она!!! Это ее голос, мягкий и нежный. Где она?! Парень тут же быстро и легко забылся. Перед глазами потемнело, и обессилевшая голова упала на угол подушки. Испугавшись, медсестра быстро коснулась его руки, поймала слабый пульс. Он был в сознании и, никого и ничего не чувствуя, слышал только песню. Всё тонуло в горячем тумане. А песня песня продолжалась.

Песня была на самом деле. Она доносилась из вагона напротив. Если бы двери двух поездов оказались рядом, можно было бы увидеть девушку, прижавшуюся к дверному косяку и пытающуюся согреть руки в рукавах шинели. Но небольшой клочок света из приоткрытой вагонной двери узился жёлтой полоской на противоположной красной стенке подальше от девушки. Она была невидима глазу, находясь всего в нескольких шагах; лишь её голос, красивый и чистый, доносился из ночной тишины. Вероятно, она была на ночном дежурстве и хотела хоть как-то отвлечься пением, но пела тихо, боясь разбудить спящих товарищей. Несмотря на это, её достаточно сильный грудной голос ясно чередовал каждое слово, с необыкновенной точностью сохраняя саму мелодию. И казался очень нежным.

Она пыталась найти какую-то свою, любимую мелодию: одну начинает, не докончив, переходит к другой и, задумавшись о чем-то, замолкает; но мысленно все же продолжает петь. Через некоторое время напев возобновляется, но уже по-новому. Мягкий голос на фоне шелеста капель дождя несет что-то далекое и родное, будто хочет успокоить каждого, услышавшего его.

Различив в тишине удивительно знакомый голос близкого человека, парень внутренне содрогнулся, и в нём что-то изменилось. Ещё не совсем погасшее сознание не позволяло поверить в присутствие Тахиры. Его не интересовало, кто поет, только пусть песня будет, не кончается Татарская песня, песня любимой, песня родимых мест! Ах, разве может быть что-нибудь дороже и милее этого?!

Слышимая через стенку вагона сквозь шелест капель дождя, отчетливо тихая песня стала чем-то живым. Она уносила его ввысь, к белым, влажным облакам, заставляла забыть обо всем, дарила спокойствие и даже радость! Свежую, яркую радость. Перед глазами разлились цвета. Они медленно скользили и перемешивались, мягко поблескивали теплым светом.

Вот девушка, тихо начав, затем чуть повысив голос, растягивая, запела. И парня ясно видится раскинувшееся сколько глазом можно охватить поле, пестреющее разнотравьем. Мягкий ветерок покачивает верхушку трав, макушки цветов. Откуда-то, присоединившись к шелесту листьев, слышится звук натачиваемой косы. Теплый ветер доносит приятный запах подсыхающих на покосе трав. Только почему-то парень не может оглянуться, и косари остаются скрытыми от его взора; видна тропинка, совсем узенькая, играющая контрастом с необъятными просторами нивы. Порывы ветра вздымают крупицы теплой, дорожной пыли, сообщая полотнам жнивья потоки движения, создавая волны, перебирающие всю гладь простора колосьев и ласкающие каждый колосок отдельно. Волны сталкиваются и исчезают за горизонтом. Парень как будто шагает по следам тележных колес, босиком ступая по теплой земле, а навстречу, опираясь на палку, идёт седобородый старик

Через некоторое время вновь послышался печальный голос девушки:

Солнце вновь закатилось,
Звезды всплыли волною.
Очень грустно мне стало.

И встает перед глазами их маленький городской дом. Будто вечер близится сумерками, в доме одна только мать. Вот она, повязанная белым платком, зажигает свет, беспрестанно читает молитву, не отрывая глаз от окна. На столе только что вскипевший самовар. Она готовится к чаю, ожидая его возвращения из института.

– Мама! Мама моя!!! – выговаривает парень с внутренним рыданием, и из его закрытых глаз стекают горячие слезы, медленно скатываются капельками серебра и опускаются на высохшие губы.

Медсестра, наклонившись, кладет ему на лоб свою руку, спрашивает его о чём-то, но парню всё же кажется, что с ним говорит его родная Тахира.

В это время девушка с глубоким вздохом произносит:

На кого же посмотрю я завтра,

В грусти забывшись тоскою.

И парень обеими руками прижимает к груди её голову, будто задевая её легкие пряди волос, губами касается её хрупкой шеи.

Милая! Любимая моя! Почему ты так говоришь, почему плачешь? Мы же вместе навек!

Девушка, не убирая головы с его груди, будто признается:

Сама тоскую, глаза на дороге.

Поблекла красота ярких красок лица.

Нет! Нет! Нет больше расставания! Теперь мы вместе, подруга моя, вместе навсегда!

И они, обнявшись, не торопясь, поднимаются на гору возле Волги. Гора очень высокая, и они останавливаются, чтобы перевести дух; не разжимая рук, без слов, глядя друг другу в глаза, счастливо улыбаются и продолжают свой путь.

Наконец поднялись. О боже! Какая ширь! Какая безграничная красота эта родная земля! Так легко, так хорошо им!

Вот они, прижавшись друг к другу, раскрывшись всему окружающему, всему прекрасному, отрываются от земли, отрываются от реальности, проникая в нее, растворяясь в ней. Теперь они – полотна трав, мнущиеся под лёгким ветерком; степь, цветущая дневным спокойствием; одинокий лесок за горою; изгиб реки; высящийся над ним утес; луч солнца, скользящий по водной глади; бескрайнее небо с плывущими по небу облаками. Они – пара лебедей, летящих над колышущимися полями, над одиноким лесом, под бескрайним небом

Парень не почувствовал, как тронулся эшелон напротив, как девушка перестала петь. Он уже не смог прийти в сознание.

На другой день поезд остановился у такого же разбитого разъезда. Из красного вагона, вынесли тело парня и похоронили недалеко от дороги, на возвышенности, под одинокой сосной. Затем на бугорок земли воткнули прибитый медными гвоздями фанерный щит, на котором чёрной краской было написано имя, фамилия, год рождения и смерти. Люди, обнажив головы, молча постояли над могилой и одновременно разошлись по вагонам.

Поезд ушёл – одинокая могила осталась Неожиданно подул ветер; высокая сосна, пролив на землю крупные капли дождя, плавно качнула головою. Нависшие чёрные тучи на мутном небе, будто открывая кому-то дорогу, расплылись, обнажив небесную синь. И в то же время оттуда, будто опоздав попрощаться, поспешно выглянуло солнце.

Показалось, что светлый облик юноши с грустной и спокойной улыбкой явственно поднялся из могилы, слегка коснувшись сосновых ветвей, и с лучами струящегося света взмыл в бесконечную высь.

В ту темную ночь, прислонившись к двери вагона, стояла Тахира. Она думала о своем любимом.

Народный писатель Татарстана Амирхан Еники скончался 16 февраля 2000 года в возрасте 90 лет и был похоронен в Казани.

С 2005 года одна из улиц Вахитовского района г. Казани носит имя А. Еники.

«Всепобеждающий луч»

Абдурахман Абсалямов (1911 – 1979)

Он прошел дорогами войны от первых ее дней и закончил спецкором газеты «Сталинский воин» в августе 45-го. Абдурахман Сафиевич Абсалямов – один из наиболее значительных прозаиков Татарстана, чьи произведения еще при жизни их автора стали классикой татарской национальной литературы 20 века. На выбор писательского пути будущего прозаика большую роль сыграло участие в работе литературного кружка, которым руководил живший в ту пору в Москве Муса Джалиль. Именно с его подачи первые рассказы и стихи старшеклассника Абдурахмана Абсалямова увидели свет в казанских журналах «Азат Хатын», «Пионер калеме», «Октябрь баласы». Работая на предприятиях Москвы, сын попавшего под молох сталинских репрессий «врага народа» успел незадолго до войны без отрыва от производства окончить индустриально – конструкторский техникум, а затем и литературный институт им. М.Горького. В 1941 году молодой автор выпустил сборник рассказов «Солнце счастья».

С августа 1941-го А.Абсалямов на фронте. Он прошел дорогами войны от первых ее дней и закончил спецкором газеты «Сталинский воин» в августе 45-го. Командир минометного расчета, батальонный разведчик, военный корреспондент армейских газет Карельского и Дальневосточного фронтов – вот вехи фронтовой биографии лейтенанта А.Абсалямова. Как и герои его военных очерков и рассказов, молодой офицер не раз был на волосок от смерти, награжден орденом Красной звезды, медалью «За боевые заслуги».

Настоящая известность пришла к писателю после войны. Для Абсалямова-прозаика характерна многожанровость. Конечно, центральное место после кровавой войны в творчестве писателя занимала военная тема. Это, прежде всего, роман «Орлята» (1949) – о становлении личности в суровых военных буднях молодых людей, чьи юношеские мечты и надежды были прерваны войной. Герои А.Абсалямова – это те же Павки Корчагины, ровесники героев романа «Молодая гвардия» только с татарскими именами. Автор писал о том, что пережил сам, о тех тружениках войны, с кем сам делил последние патроны, шел в бой, хоронил

друзей- и в этом причина популярности его книг. Бесценным вкладом в художественную летопись Подвига народа явился роман «Газинур» (1950), посвященный личности и подвигу славного сына татарского народа Газинура Гафиатуллина, повторившего подвиг А. Матросова и посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза.

«О «Газинуре» я стал думать ещё в годы войны, когда прочёл Указ о посмертном присвоении Газинуру Гафиатуллину звания Героя Советского Союза. Гази – победитель, нур – луч. Всепобеждающий луч. Закрыл грудью амбразуру, погиб, а в то же время – «всепобеждающий луч». Имя роману дал сразу. Так и хранились в памяти имя и замысел.

Работая над «Орлятами», не расставался и с романом «Газинур». Но приступить к нему можно было только после поездки на родину прототипа, и я пока только собирал материалы о нём. В промежутке между работой над романами «Орлята» и «Газинур» писал рассказы, но «Газинур» постоянно стоял перед глазами. Газинура я не видел, поэтому трудно было писать. «Орлята» писались легче, там всё самим пережитое. Для полного сбора материалов о Газинуре поехал в колхоз, где живут его родные, откуда он ушёл в армию. Там его все знают, но почему-то не хотят верить, что он герой. Зашёл в школу. В школе есть уголок, где на стенах – портреты Героев Советского Союза, но портрета Газинура нет.

Письма Газинура не сохранились. Нашёл лишь одну выгоревшую фотографию. Помог мне его сводный брат. Оказывается, он работал в том же госпитале, где лежал я после ранения. Это тоже помогло. Отец Газинура – бывший крепостной. Отец говорит, что Газинур много вертелся около него, так и рос. Самый тяжёлый разговор был с женой Газинура – матерью троих детей. Я познакомился с её подругами, каждую просил пристально понаблюдать за Миннури: что та расскажет, когда улыбнётся, когда покраснеет. Закончив роман, я снова поехал к Миннури с рукописью, прочитал ей. Во время чтения она то плакала, то смеялась. Я спросил: «Правда всё это?». «Правда», – ответила она».

После выхода в свет романа в 1950 году именем Газинура Гафиятуллина, татарского солдата, повторившего подвиг Александра Матросова, грудью закрывшего амбразуру, были названы школы, колхозы, пионерские дружины улицы.

…..Из узкой амбразуры под снежным бугром снова вырвалось пламя. Замолкнувший было пулемет зарокотал с прежней яростью. На снег упали новые раненые. Бойцы батальона сделали еще один бросок, силясь пробиться сквозь огневую завесу, но ряды их заметно редели. Широко открытыми глазами, задыхаясь от ненависти, смотрел Газинур на ревущий вражеский пулемет. Он был почти рядом и все же недосягаем. Казалось, нет такой силы, которая могла бы заткнуть его огненную глотку. - Врешь, не остановишь! - прошептал Газинур. -

Все равно достану! И вскочил на ноги. Лишь только он поднялся, как перестал ощущать давившую свинцом тяжесть собственного тела, движения стали свободными, будто выросли крылья. Батальон замер. На его глазах простой советский солдат преодолевал расстояние между смертью и бессмертием, совершал подвиг, который будет жить в веках.

Справка

Гафиату́ллин Газину́р Гафиату́ллович (1913—1944) — советский военнослужащий, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (посмертно). Сержант.

Родился в деревне Сугушла Лениногорского района. Отец Газинура — Гафиятулла — отслужил в царской армии, затем работал подёнщиком, пас скот, занимался сезонной работой. Мать — Масрура — также работала поденщицей.

В поисках работы семья переехала в Оренбургскую область. Там от голода скончалась мать Газинура. Похоронив её, Гафиятулла с семилетним сыном вновь пасли скот. В деревне Батыр Гафиятулла женился на вдове Шамсури. Мачеха по отношению к Газинуру была очень строгой.

Гафиятулла с новой семьёй вернулся в деревню Сугушла Лениногорского района. Там в 1925 году у Газинура родился брат Харис.

В 1930-е годы некоторые жители деревни начали переезжать в Бугульминский район, где образовали колхоз «Красногвардеец». Семья Гафиатуллиных вступила в колхоз. Газинура забрали на лесоповал, он там проработал два года, а также работал на строительстве дорог.

В 1934 году после окончания уборки Газинур и Гильмури сыграли свадьбу. У них родилась дочь Самига.

В 1939 году Газинура призвали в Красную Армию. По окончании советско-финской войны Газинур был демобилизован и вернулся в колхоз. Родился сын Мударис.

С началом Великой Отечественной войны Газинура вновь призвали в армию и направили в Петрозаводск. Он служил там четыре месяца санитаром, затем попал в 17-й стрелковый полк, участвовал в боях. Вступил в РКП(б).

Газинура направили в полковую школу подготовки младших командиров, вернулся в часть 5 декабря 1943 года в звании сержанта.

В ночь на 13 января 1944 года его полк вступил в тяжелый бой за освобождение деревни Овсище Псковской области. На рассвете бойцы пошли в атаку. Сержант Гафиатуллин с автоматом и гранатами, пополз вперед. И когда до дота оставалось не более 25 метров, поднялся во весь рост и кинул три гранаты. Пулемет замолчал только на мгновение, но затем снова начал поливать свинцовым дождем наступающих. Тогда Газинур стремительным броском подбежал к доту

и закрыл амбразуру своей грудью. Пулемет захлебнулся, и весь батальон бросился в атаку. Похоронен юго-западнее деревни Екимово Новосокольнического района Калининской (ныне Псковской) области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 года Газинуру Гафиатуллину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1963 году Газинур был перезахоронен в братскую могилу в деревне Иваново (Великолукский район Псковской области).

В деревне Сугушла Бугульминского района в 1963 году был открыт Дом-музей Газинура Гафиатулина. В 2005 году Дом-музей Газинура Гафиатулина был реконструирован. Ежегодно весной здесь проводится спортивный праздник в честь героя. На этот праздник приглашаются родственники Газинура.

Военный летчик, писатель, журналист Ян Винецкий (1912 -1989)

В 60-е годы в редакции республиканской газеты «Советская Татария» можно было видеть трех моложавых, подтянутых мужчин с орденскими планками на пиджаках. Этих ветеранов Великой Отечественной войны объединяла военная профессия – они были боевыми летчиками: Юрий Белостоцкий, Ян Винецкий, Михаил Девятаев. Первые двое уже были известными писателями и журналистами. Третий – по совету друзей – работал над автобиографической повестью «Побег из ада». В послевоенной судьбе Михаила Девятаева огромную роль сыграл Ян Винецкий. Это он с присущей ему смелостью и принципиальностью первым в своем очерке поведал о подвиге летчика М.П. Девятаева, угнавшего вместе со своими друзьями – военнопленными новейший фашистский самолет с военной секретной документацией о немецком сверхоружии. Так благодаря журналисту отважному летчику было по праву присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Подобно писателю Сергею Смирнову, который своим романом «Брестская крепость» вернул честное имя канувшим в забвение героям Бреста, в том числе нашему земляку майору Гаврилову, так и мы узнали усилиями Я.Винецкого о подвиге Почетного гражданина г.Казани М.Девятаева.

Ян Борисович Винецкий после окончания военно – тактической летной школы служил военным летчиком. Воевал в Испании, испытывал боевые машины – «летающие крепости» ИЛ-2 и истребители ЛА-5 на Волховском и Ленинградском фронтах. Награжден тремя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда». За журналистскую деятельность награжден орденом «Знак Почета». Осенью 1941-го вместе с заводом эвакуируется в Казань. Отсюда, кстати, в 1943 году он вылетал на Волховский фронт, где

участвовал в боевых испытаниях опытных самолетов. Но это была единственная его командировка на линию огня.

Подробнее на livelib.ru: https://www.livelib.ru/author/846737-yan-vinetskij

Еще в военные годы Ян Винецкий принимал для испытаний в боевых условиях самолеты в Казани, после войны посвятил себя писательской и журналистской деятельности. Его первое произведение «Бабий полк» вышло в годы войны и посвящено «ночным ведьмам» – летчицам-женщинам. Живущая в Казани отважная летчица –штурман женского авиационного полка Герой Советского Союза Магуба Сыртланова вспоминала, что в образах героинь «Бабьего полка» она видела своих боевых подруг.

За ним последовали сборник рассказов «Небо Родины», повести о верности профессии и Родине «Верность», «Соловей». Роман «Мадридская повесть» можно сравнить с романом американского писателя Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» – о мужественной борьбе против фашизма испанских патриотов и воинов – интернационалистов, среди которых были сам Ян Винецкий и его соратники, воины интербригад. Перу Я. Винецкого принадлежит и роман о великом русском летчике П.Н. Нестерове «Отчий дом». Ян Винецкий – автор первых очерков и рассказов о строителях автограда на Каме.

Другу Анне,
с которой идти солнечно
даже в ненастье

Часть первая
Отчий дом

1

Прошлым летом кадет Коля Зарайский пригласил Петю Нестерова в родовое имение своей матушки в селе Воскресенском. Удили рыбу в пруду, окруженном старыми ветлами, меланхолически бродили с мольбертами, рисуя таинственную мельничную запруду, какую-нибудь плакучую березку, заплутавшуюся меж высоких осокорей, или грустное, отпылавшее пожарище вечерней зари, ухаживали за двумя прехорошенькими питомицами института благородных девиц.

Одна из них — Вероника, пухлая, розовая, с золотистыми кудряшками, глядела на кадетов с капризной гримасой превосходства, словно обладала мудростью, недоступной для безусых сынов Марса. Другая — Саша, с острыми плечиками, вздернутым носиком и узкими голубыми глазами, пела под аккомпанемент Пети на фортепиано:

Кто-то мне судьбу предскажет,
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой…

При этом в голосе Саши было столько печали, что Петя украдкой сокрушенно вздыхал и уже готов был влюбиться в эту милую, совсем по-взрослому страдающую по ком-то девочку. Но он вспомнил о Наденьке и покраснел, низко опустив голову.

Как-то раз вся компания отправилась верхом в лес, который издали казался густо-синим, загадочным и словно бы плывущим в дрожащем мареве под белыми парусами облаков.

Коля божился, что в лесу водились лоси и что, учась еще в третьем классе корпуса, убил из отцовского винчестера красивую лосиху, но окрестные мужики воспользовались его победой.

У изволока Петя придержал коня и, увидев, что вся кавалькада осталась далеко позади, повернул обратно. Слившись с конем в галопе, он с упоением подставил лицо ветру.

— Нехорошо, — выговаривала ему Саша, премило щурясь, — оставлять спутников и лететь очертя голову…

— Простите, — смущенно произнес Петя, — когда я сажусь на резвого коня, то забываю про все на свете.

— Вот так признанье! — захохотала Саша и сморщила носик. — Умереть можно с досады!

Петя промолчал. Нет, он не умел разговаривать с чопорными институтскими девицами, которые перенимали манеры великосветских дам. Другое дело — Наденька. Она держала себя просто, с ней было весело, легко и свободно. И вот теперь, когда Наденьки нет рядом, сердце точит тихая непрестанная грусть.

Отчего он не остался в Нижнем Новгороде? Отчего дал согласие поехать к Зарайскому на целых две недели!..

Молодые люди спешились, привязали коней и побрели по мягкому ковру из прошлогодней листвы. В лесу было девственно тихо и дремотно. Паутина опутала кусты боярышника и бересклета, тонкой сединой пролегла в зеленой шевелюре кленов.

Коля и Вероника (она была самой старшей в компании, ей недавно минуло двадцать лет, и поэтому она держалась независимо и несколько насмешливо в отношении остальных) ушли вперед и вскоре скрылись из виду.

Саша нашла темно-голубой колокольчик и изумилась, какими судьбами забрел сюда степной житель. Теперь, наедине с Петей, она не манерничала, была задумчива и грустна.

— Петя, не обижайтесь, но вы напоминаете этот степной колокольчик.

— Чем же, позвольте узнать?

— Вы так же забрели к нам нежданно и… не похожи на нас.

— Вы хотите сказать, что я… хуже? — насторожился Петя.

— Нет, нет! Совсем наоборот…

Щеки Саши залились краской.

Где-то неподалеку разливисто зааукали.

— Вероника, — сказала Саша и вдруг заговорщицки зашептала: — Ой, послушайте, что я вам расскажу. Только, Петя, никому ни слова!.. Вчера Николай объяснился Веронике… Это, должно быть, очень интересно, когда объясняются в любви!..

Петя в смущении ломал ветку крушины. Молодые люди пробродили в лесу несколько часов: набрали две корзинки земляники, нарвали цветов.

Николай и Вероника успели побраниться, и по их кислым, отчужденным лицам было заметно, что у них произошла размолвка.

— Доаукались! — шепнул Петя Саше, и та звонко рассмеялась.

Обратно ехали шагом. У въезда в Воскресенское их остановила толпа крестьян. В руках у всех были косы.

Широкоплечий старик со слезящимися глазами, в выцветшей рваной рубахе и черных от грязи и пыли лаптях взял коня Зарайского под уздцы и, поклонившись, проговорил сипло и просительно:

— Извиняйте, молодой баринок. Передайте матушке вашей… Пущай не гневится — идем косить Зарайские луга. Потому как упреждали мы — без сенокосу нам никак нельзя… Невмоготу!..

Николай молча полоснул плеткой по лицу старика.

Конь взметнулся на дыбы и, свалив старика и еще двух мужиков, галопом полетел к имению. В толпе раздались крики, хриплая брань, угрозы. Петя хотел было помчаться вслед за Николаем, но, взглянув на бледные испуганные лица девушек, решил остаться.

Старика подняли. Он закрыл обеими ладонями лицо. Меж коричневых, огрубелых пальцев сочилась кровь.

Петю и девушек стащили с коней, окружили, — злые, потные, враждебно-пристальные.

— Вот они, баре, как разговаривают с нами!

— Щенок еще, а уже старика — плеткой!

Саша смотрела на крестьян в изумлении и страхе, точно перед нею стояло дикое племя индейцев из романа Фенимора Купера.

— Боже мой… Они нас растерзают! — шепнула она Пете и крепко ухватилась за его левую руку.

— Не бойтесь, — успокоил ее Петя.

Вероника внешне была спокойна, но поблекшие, почти белые губы ее дрожали.

Мужики покричали, поспорили между собою, потом, высокий чернобородый мужчина сказал с оскорбительным пренебрежением:

— Ступайте!.. Ну, жи-иво-о, не передумали покудова!

Петя помог Саше и Веронике взобраться на коней, вскочил на своего каракового жеребца, и кавалькада понеслась по дороге.

— Слава богу! — в один голос вздохнули девушки.

— Вы слышали, как этот чернобородый, похожий на цыгана, сказал — «убирайтесь!»? Что до меня, то лучше бы уж побили!

— Что вы, Петя! — испугались девушки. — И потом, он сказал не «убирайтесь», а «ступайте».

— Хрен редьки не слаще! — задумчиво отозвался Петя.

Мать Николая встретила их вопросом:

— А где Коля?

— Разве он не вернулся? — удивились все трое. Они, рассказали про встречу с крестьянами.

— Мерзавцы! — воскликнула она и подняла свои маленькие кулачки. На ее некрасивом, широком лице зло темнели карие глаза. Она опустила руки и сказала, сдерживая рыдания:

— Коля, должно быть, поскакал в Нижний… Там брат мой… есаул…

Мучительные чувства боролись в душе Пети. Зарайский пригласил его «погостить у матушки», но — боже! — до чего чужая, до чего нелепая здесь жизнь! Кажется, будто Петю самого подменили. Он вспомнил, с какою ненавистью и холодным пренебрежением глядели на него крестьяне, и у него от стыда и обиды часто забилось, сердце.

И Николай хорош! Ударил старика плеткой по лицу… Откуда в нем столько жестокости? И ведь трус к тому же. Ударил — и бежать. Бросил девушек, товарища. Эх, кадет!..

Поздно вечером в село вступила казачья сотня. Николай ехал впереди, рядом с кудрявым, пышноусым сотником. Казаки недовольно хмурились: «Чистые воры эти нижегородцы. Известное дело, ушкуйники отсюда вылупились…»

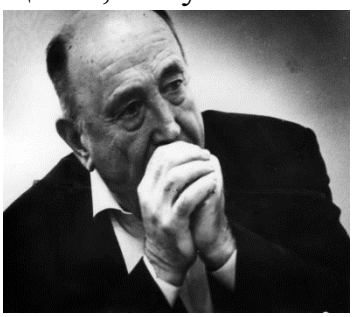
Сотник пошептался с матерью Николая, потом казаки поехали по крестьянским дворам и стали отбирать самовольно накошенное сено. Тех, кто сопротивлялся, избивали нагайками. Чернобородого мужика арестовали как зачинщика смуты.

Петя не мог уснуть. Его душили обида, гнев, тоска.

Он слышал, как голосили на деревне бабы, кричали и ругались мужики, надрывались от лая собаки… «Зачем я приехал сюда? И ведь Зарайский не друг мне, вовсе не друг. Просто товарищ по корпусу…»

Что такое время?
Ю.Белостоцкий (1922-1983)

Как река полнится впадающими в нее ручьями, так и литература в целом немыслима без писателей, скромно именуемых беллетристами. Литературная карта Татарстана была бы неполной без таких имен, как Г.Паушкин, В.Корчагин, Ш.Ракипов, Я.Винецкий, Ю.Белостоцкий. Двое последних из этого, далеко не полного списка писателей, много лет своей жизни отдали журналистике, работая в республиканских газетах. В годы войны боевые летчики, они написали прекрасные книги о людях этой героической профессии. Итак, Юрий Вячеславович Белостоцкий. Родившись 95 лет назад в небольшом алтайском селе, всю войну он прослужил в бомбардировочной авиации, летая на легендарных ПЕ-2 – пикирующих бомбардировщиках, выпускавшихся в Казани, в составе 7 воздушной армии. Северо-Западный,



Карельский фронт – десятки вылетов на уничтожение скоплений военной техники, сооружений врага, воздушные бои, потери боевых друзей. К концу кровавой войны грудь молодого офицера украшали ордена и медали за боевые заслуги и мужество, проявленное за штурвалом самолета. После демобилизации Юрий Белостоцкий попал в Казань, где работал в спортивных и оборонно-массовых организациях столицы Татарии: возглавлял спортобщество «Буревестник», был заместителем председателя «ДОСААФ» ТАССР. Затем последовали поездки по стране, работа в областных газетах и издательствах. В 1955 году Ю.Белостоцкий возвращается в Казань, и с 1961 года он сотрудник газеты «Советская Татария». К этому времени в печати уже вышли сборники его военных рассказов и повестей. Военные будни летчиков, суровый быт временных авиационных аэродромов и городков, ежечасный риск в единоборстве с фашистскими асами, боевое содружество, когда экипаж бомбардировщика – пилот, штурман, стрелок-радист – неразрывное единство, когда от четкой работы каждого зависит жизнь всех – вот содержание прозы Юрия Белостоцкого. Боевой опыт автора, лично пережитое в небе и на земле – нашли яркое отражение в книгах писателя. За многими персонажами читатель угадывает самого автора, проживает жизнь вместе с его героями на страницах таких повестей, как «И снова взлет», «Прямое попадание», «Небо хранит тайну». Надолго остаются в памяти молодые летчики-офицеры Владимир Шувалов, Глеб Овсяников, Виктор Башенин. Название этой статьи повторяет название одноименной повести Юрия Белостоцкого, одной из лучших в его творческом наследии. Как справедливо отмечали критики, повести Ю.Белостоцкого отличает от многих других произведений о войне «освещение таких сторон фронтового быта, которые старательно обходили другие авторы, увлекаясь остротой сюжетных ходов». Это сближает стиль писателя

с прозой В.Кондратьева («Сашка»), прежде всего. Это и память о «сороковых-пороховых», и, что важно, дань памяти фронтовых друзей, не вернувшихся с войны. Описание фронтовых будней летчиков – не самоцель, а средство раскрытия внутреннего мира героев, их чувств, переживаний, тех внешне невидимых пружин, определяющих поступки персонажей. Военная проза Ю.Белостоцкого поражает тем, что жестокие реалии войны не обесчеловечивают его героев. Они не утрачивают способности любоваться лазурью небесного свода, красотой простирающейся под крылом самолета природы. Их сердца открыты и для любви: целые главы повестей писателя «Прямое попадание», «И снова взлет» изображают не только будни фронтовых аэродромов, поведение человека в бою, но и его способность к высокой, возвышенной любви. Подлинной удачей автора является создание таких персонажей, как лейтенанты Виктор Башенин и Кирилл Левашов, ровесников писателя. Как драматург Юрий Белостоцкий дебютировал с пьесой – опять-таки об авиаторах – «Под голубыми небесами», отмеченной премией Министерства культуры Татарии. Многие юные читатели после прочтения книг Юрия Белостоцкого захотели связать свою судьбу с авиацией. Вспоминаются слова одного философа о том, что порой книги незаслуженно забывают, но не бывает такого, чтобы книги незаслуженно помнили. Это полностью относится к художественному наследию Юрия Вячеславовича Белостоцкого.

Прямое попадание

Первый самолет, посланный на разведку, вернулся ни с чем — помешали облака.

Второй привез с полсотни пробоин в плоскостях и фюзеляже и мертвое тело стрелка-радиста.

Помрачнел майор Русаков и спину согнул, даже позвонки под гимнастеркой обозначились — давно такого в полку не было. И долго так стоял майор Русаков, не зная, как быть: вот уж действительно, где тонко, там и рвется. Правда, война есть война, а на войне еще и не такое бывает, так что майор Русаков умел смотреть смерти в глаза. Но вот беда, высокое командование над тобой: ему-то что скажешь, ему что ответишь? Не повезло? Но командованию нужны не объяснения, командованию нужны новые разведывательные данные об этом проклятом аэродроме, что давно уже сидел у всех в печенках. Причем нужны срочно, самое позднее — к концу сегодняшнего дня: видать, готовился удар. Не зря же тут у них в полку вот уже второй день кряду торчит сам начальник разведки воздушной армии, ни на шаг от майора Русакова не отходит, все поторапливает, да еще как бы ненароком дает понять, что в данных об этом аэродроме заинтересован лично командующий воздушной армией, от него, дескать, и приказ. А их, этих данных, все нет, хотя два вылета уже сделаны и одного человека в полку как не бывало.

Вот майор Русаков и хмурил свой крутой, иссеченный неровными морщинами, лоб и спину гнул еще ниже. И долго так стоял он посреди стоянки на виду у всех, не замечая, что дождь, исподволь собиравшийся с утра, начал наконец накрапывать и надо бы укрыться под крыло ближайшего самолета или хотя бы сложить планшет с картой, который майор машинально держал раскрытым в руках.

Притихли и летчики с техниками, реденько стоявшие вокруг майора, тоже были хмуры лицами, тоже не шевелились, чтобы не мешать майору и не встретиться с ним взглядом. Необычный был сейчас у майора Русакова взгляд, с налетом окалины, точно после ожога, верный признак того, что невмоготу сейчас майору Русакову и майор может не сдержаться и на первом же, кто подвернется под руку, сорвать злость.

Но майор вовсе и не смотрел на этих своих присмиревших подчиненных, майор Русаков все так же тупо и хмуро, будто на стоянке никого, кроме него, не было, смотрел в планшет, с плексигласа которого, как бы размывая горы и леса на карте, заставляя там вспухать и выходить из берегов реки с озерами, стекали капли дождя, но не видя, верно, ни карты с этими вспухшими реками, ни капель дождя. И долго бы, наверное, простоял майор Русаков вот так, будто в пояснице стрельнуло, если бы начальник разведки воздушной армии, полковник по званию, находившийся тут же, на стоянке, вдруг не решился закурить и не щелкнул излишне громко крышкой портсигара. Вот этот щелчок и заставил майора Русакова оторваться наконец от планшета и с проснувшейся надеждой во взгляде черных, глубоко посаженных глаз еще раз оглядеть понуро стоявшие перед ним экипажи и решить наконец, который же из них лучше послать на это чертово задание. Полк-то у майора не разведывательный, а бомбардировочный, а в разведке требуется не бомбы в цель положить, а кое-что другое, так что пошлешь не каждого. Тут надо, чтобы с особой смекалкой был экипаж, с тонким чутьем, если уж на то пошло, с особой сноровкой. Суметь сбить противника с толку, обмануть его, выйти на аэродром внезапно, да и вернуться целехоньким — такое не каждый сможет, тут особый дар надо иметь.

Но не много таких экипажей увидел перед собой майор Русаков, когда оглядел стоянку от первого самолета до последнего, — всего-то три, пожалуй, не больше. Это, конечно, не считая тех, которые уже отлетали свое сегодня. А если уж строго, без скидок на бедность, то и не три таких экипажа увидел майор Русаков, а только два, потому что неполный экипаж считаться экипажем никак не может, даже если бы майор сильно этого захотел. В экипаже старшего лейтенанта Кривощекова не было стрелка-радиста: накануне слег в госпиталь — открылись старые раны. Правда, на худой конец старшему лейтенанту Кривощекову можно было бы дать стрелка-радиста из другого экипажа, скажем, из экипажа лейтенанта Козлова, стрелок-радист у Козлова толковый. Но все равно это

было бы уже не то — неслетанный экипаж на такое задание лучше не посылать. Так что всего два экипажа из полка, годных для этой разведки, стояли сейчас перед майором Русаковым. Не богатый был выбор у майора, явно не богатый. Да и то, как майор заметил только в самый последний момент, один из этих двух экипажей был, по сути дела, тоже не в счет: у штурмана Пеплова — флюс, так щеку разнесло, что и глаз затек. Чего он увидит, если полетит? Так что всего один экипаж оставался сейчас в запасе у майора Русакова — это экипаж лейтенанта Майбороды. Но и Майбороду посылать на такое задание майору не хотелось — слишком горяч был этот Майборода, чисто порох. Да и штурман у Майбороды, лейтенант Титов, тоже особой сдержанностью не отличался, тоже привык переть напролом — истинный бомбардировщик. А тут не столько храбрость, сколько хитрость нужна, выдержка, короче, особый талант, какой дается далеко не каждому. Правда, будь задание не такое, как сегодня, майор, быть может, и рискнул бы, послал бы и Майбороду с Титовым. Но сегодня задание такое, что лучше не рисковать, не искушать судьбу понапрасну, а не то, не ровен час, полк тогда вообще без своих разведчиков останется. И майор еще раз, уже в обратном порядке, невесело оглядев это свое не шибко подходящее для разведки воинство, вдруг шумно захлопнул планшет, поспешно отыскал глазами своего техника и, как бы повеселев, что отыскал, хотя тот и стоял все это время у него на виду, приказал готовить к вылету свой самолет, присовокупив для порядка:

— Только быстренько там у меня, чтобы в два счета! — и, оттянув рукав гимнастерки, выразительно поглядел на часы.

Но не успел техник майора Русакова вскинуть руку к пилотке и ответить «есть», как из-под крыла ближайшего самолета выступил вперед рослый худощавый летчик с тонким бледнокожим лицом и шрамом на правом виске и, как бы заранее винясь за то, что должен был сказать, проговорил:

— Зачем вам самому идти на эту разведку, товарищ майор? Может, мы с Овсянниковым сходим?

Этим добровольцем, осмелившимся претендовать на задание, когда на это задание уже решил идти сам командир полка, был летчик третьей эскадрильи лейтенант Башенин.

Майор Русаков знал Башенина давно, с начала войны, когда командовал еще этой, третьей, эскадрильей, а не полком, как сейчас. Но что-то не замечал майор Русаков в лейтенанте Башенине особой склонности к разведывательным полетам ни раньше, ни теперь, наоборот, считал его бомбардировщиком до мозга костей, для которого главное в полете — положить бомбы в цель, а там хоть трава не расти. А тут вдруг такое желание, да еще после того, когда полк на этом задании уже дважды обжегся. И майор, словно Башенин сказал бог знает что такое, от удивления завел брови на лоб и какое-то время не знал, что сказать в ответ.

С удивлением перевели взгляды на Башенина и остальные летчики: такого в полку тоже еще не бывало — чтобы летчик сам, будь он даже всем асам ас, напрашивался на задание, когда на это задание уже решил идти сам командир полка. Поэтому во взглядах летчиков, как, впрочем, и во взгляде командира полка, было сейчас не одно лишь удивление, было в них и кое-что другое, помимо удивления.

И это, верно, понял вскоре и сам лейтенант Башенин, хотя и не глядел особо по сторонам, а глядел все больше себе под ноги, и смутился от этого, конфузливо закашлял в кулак и, казалось, уже готов был дать обратный ход, как из-под крыла того же самолета, явно спеша Башенину на помощь, поспешно выступил еще один доброволец и заявил уже не так робко, как Башенин, а напористо и смело, да еще бросив вызывающий взгляд в сторону полковника и этим как бы приглашая этого полковника в свидетели своего бесстрашия:

— А что, товарищ майор, и сходим. Разве заказано? Только разрешите. Мы не против. Даже, наоборот, имеем такое желание. Почему бы и не сходить?

Этот, второй, как раз и был лейтенант Овсянников, на которого сослался Башенин: Овсянников летал у него штурманом с самого начала войны, был такой же рослый, крупноглазый, как Башенин, только намного грузнее, из породы тяжеловесов, а отсюда и в выправке ему уступал, это бросалось в глаза сразу. Если Башенин, хотя и несколько смущенный своей смелостью, был, как всегда, собран и подтянут — причем эту выправку он не терял, как говорится, даже в бане, когда оставался в чем мать родила, — то Овсянников по своей неизменной привычке, от которой он никак не мог избавиться, сутулил плечи и ноги держал не вместе, как положено держать подчиненному перед командиром, а врозь, словно боялся потерять равновесие. И на командира смотрел этот Овсянников совершенно безбоязненно, как если бы тот доводился ему вовсе не командиром, а по меньшей мере кумом или сватом. А когда командир, несколько опешивший от этой его напористости, замешкался с ответом, он добавил уже с явным неудовольствием и в то же время как бы взывая к чувству справедливости:

— Нет, правда, товарищ майор, зачем вам самому лететь, когда мы с Башениным можем. Надо же когда-то и нам попробовать сходить на разведку. Тем более такой случай. А вы все сами да сами, как будто в полку других экипажей нет.

От последних слов Овсянникова совсем уже тихо стало на стоянке, будто и дождь перестал, а у майора Русакова сделался такой вид, словно Овсянников не просился у него сейчас на задание, а намеревался сорвать с него погоны с орденами. И командир, настороженно покосившись в сторону полковника, вдруг собрал возле рта жесткие складки и ответил намеренно грубо, чтобы знал этот Овсянников, как надо разговаривать со старшим по званию:

— Попробовать? Одна монашка, говорят, попробовала…

Сказал и сам же первый, еще не договорив, устыдился своих слов, хотя и почувствовал, что у остальных на стоянке они вызвали веселое оживление. Потом, уже без грубости, но с той же властностью, добавил:

— Придет время, полетите и вы, товарищ лейтенант. А сейчас лечу я, — и снова перевел взгляд на полковника: не хотелось майору Русакову, чтобы полковник подумал, будто у него тут не полк, а партизанская вольница.

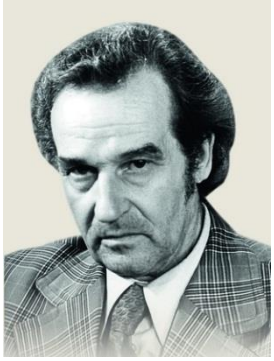
По виду полковника, однако, было не понять, интересовало его происходящее на стоянке или он был озабочен лишь тем, чтобы очередной самолет как можно быстрее поднялся в воздух и привез бы наконец разведывательные данные, которые интересовали самого командующего, а кто полетит на этом самолете, командир или рядовые летчики, ему безразлично. Однако когда майор Русаков повернулся к нему всем корпусом и в ожидании поддержки своего решения выразительно остановил на нем взгляд, полковник вынул изо рта папироску, внимательно оглядел охотников полететь и протянул голосом не совсем уверенного в себе человека:

— Может, действительно, товарищ майор, пусть попробуют слетать они, раз имеют желание. А у вас и тут дел хватит, я думаю. У вас полк как-никак. Ну а уж потом, ежели что…

Полковник не договорил, но и так всем стало ясно, что он хотел сказать этим «ежели что», и опять на стоянке, несмотря на угнетенное состояние людей, произошло заметное оживление, и первым оживился от этого почему-то сам майор Русаков.

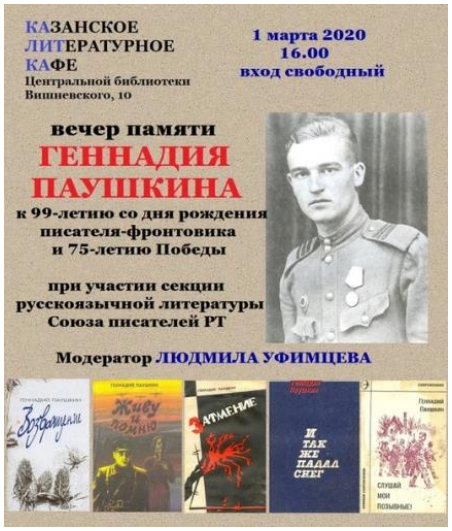
— Ну что ж, пусть тогда будет по-вашему, товарищ полковник, — согласно тряхнул он головой. — Пусть летят, — и, снова поглядев на часы, дал знак экипажу готовиться к вылету.

«Слушай мои позывные»
Г.А. Паушкин – журналист, поэт, писатель
(1921 – 2007)



Литературную жизнь Татарстана второй половины прошлого века невозможно представить вне творчества Геннадия Александровича Паушкина.

Геннадий Паушкин (урожденный Пуринов) родился в семье рабочего в Казанском Заречье в далеком 1921 г., когда только отгремела Гражданская война, а в Поволжье свирепствовал голод. Семье жилось трудно после гибели отца Геннадия. И только второе замужество матери помогло юноше закончить школу и в 1939 году поступить в Казанский университет на исторический



факультет. Учебу прервала война с Финляндией, и Геннадий был призван в ряды Красной армии, в качестве добровольца воевал в составе Особого погранотряда. Начальник заставы Кузьма Федорович Ветчинкин четыре раза посылал рапорты, чтобы Паушкина представили к званию Героя Советского Союза. Однако, по суровым законам военного времени, канцелярия отступающего полка перед прорывом из окружения сжигала все документы. Та же участь постигла и рапорты. Свою первую награду — медаль «За освобождение Кавказа» — Паушкин получил после того, как артиллеристы во главе с капитаном Мартыновым, впрягшись вместо лошадей, подняли в горы пушки и открыли ураганный огонь по штабу дивизии немецких горных стрелков «Эдельвейс». Будучи к тому времени начальником радиостанции полка, сержант Паушкин сам передал по рации в штаб сведения о дислокации, а точнее — об отступлении вражеских войск, чтобы их достойно встретила наша пехота.

Источник: http://rt-online.ru/p-rubr-kult-34856/

© Газета Республика Татарстан

22 июня 1941 года застава, где служил радист Паушкин, в числе первых приняла на себя удар врага на реке Прут в Молдавии. От всей заставы в живых остались только её командир, лейтенант Кузьма Ветчинкин и радист, сержант Геннадий Паушкин. Об этих кровавых и героических днях писатель расскажет в своей первой повести «На дальней заставе» (1952г.) Бои на Украине, на Кавказе, участие в разгроме элитной немецкой горнострелковой дивизии «Эдельвейс», освобождение Румынии. Венгрии, Австрии – таков боевой путь кавалера многих боевых наград, среди которых орден Красной звезды, медали «За оборону Кавказа», «За взятие Будапешта», начальника радиостанции роты связи 17 пограничного Измаильского Краснознаменного полка Г. Паушкина. Уже после войны Геннадия Паушкина назовут одним из лучших летописцев Великой Отечественной войны.

В рассказах «Живу и помню», «Слушай мои позывные» сержанта-радиста Геннадия Паушкина война предстает, пожалуй, в самой неожиданной, романтической ипостаси. Оба рассказа — это история любви на войне, любви трепетно нежной и удивительно целомудренной. Как-то Паушкин сказал мне: «Я пишу о том, что помню, что на самом деле было. Я не меняю даже фамилии людей, с которыми встречался. Я ничего не придумываю». История любви героя книги и санинструктора Звезды Медушевской, а затем, через несколько военных лет, новое сильное чувство к радистке Ксане отлились в великолепные по форме рассказы. На войне человек не волен в своих действиях и поступках. Сегодня люди

встречаются друг с другом, а завтра военная судьба или простой приказ могут разлучить их навсегда. Помнится, рассказ «Слушай мои позывные» был в свое время опубликован миллионным тиражом в журнале «Огонек» и вызвал обширную читательскую почту. Это можно понять: струна целомудрия и обыденный трагизм войны способны растрогать даже очерствевшие сердца.

Источник: http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-37359/Диас ВАЛЕЕВ. Выпуск: № 91 (24647)

О них будут слагать легенды

Опубликовано: 20.06.2009 0:00

Фронтовые письма солдат и офицеров Великой Отечественной войны собираются нашим архивом вот уже более четверти века. И можно не сомневаться: их поток не прекратится, пока люди помнят о войне. Недавно фонды архива пополнились фронтовыми письмами казанского поэта и прозаика Геннадия Паушкина (1921-2007), адресованные его родителям. Военная биография Геннадия Александровича началась на западной границе СССР. 22 июня 1941 года пограничники заставы Героя Советского Союза К.Ветчинкина приняли на себя первый удар врага. В кровопролитном бою на реке Прут, под местечком Кагул, участвовал и наш земляк — радист заставы Геннадий Паушкин. Вместе с пограничным полком он прошел с боями по степям Украины и Кубани, совершил трудный боевой переход через Кавказский хребет и на Санчарском перевале участвовал в обороне города Сухуми, в разгроме немецкой альпийской дивизии «Эдельвейс». Многие фронтовые стихи Паушкина были посвящены этапам Отечественной войны — от первых боев на границе до победной весны в Альпах. Спустя много лет он расскажет об этих боях в своей первой повести «На дальней заставе» и в сборниках рассказов «На зорьке», «Слушай мои позывные», «Звезды не гаснут», а в годы войны он посылал письма со стихами своим родителям. Слово — бойцу Паушкину. «Здравствуйте, дорогие папа и мама! Вчера получил от вас письмо. Перед этим опустил и свое к вам. Сегодня решил написать еще одно, вне очереди. Правда, времени очень мало, но представился удобный случай. Это письмо от вас я читал, стиснув зубы. Да, в этой беспощадной войне на жизнь и на смерть лишимся мы многих дорогих людей, близких и друзей. Жаль Сашу, кто бы мог подумать, что он будет убит? Представляю состояние матери. Я очень доволен, что Толя на родине, там он лучше поправится. Тете Нюре выражаю свое глубокое соболезнование по поводу гибели ее сына-орленка, моего младшего товарища и брата по оружию Саши Жукова. Он умер благородно. Плакать не будем. Воины не плачут — они мстят! Наша эпоха родила сильных людей, вчерашние птенцы окрылились, ныне они орлы — гроза фашистских ворон! Наша юность горит в пороховом дыму, проходит под свист пуль и грохот снарядов. Мы те, о

которых люди грядущих поколений будут петь легенды. За каждую каплю родной русской крови — Мы отомстим врагу жестоко во сто крат, Нам бранный путь привычен и не страшен, И тот, кто с нами, — он нам друг и брат. Мы не простим врагу, мой милый Саша! Не умер ты — ты в нашем сердце жив! Ты нас ведешь тропой священной мести, Орлиной кровью славу обагрив — По-прежнему идешь ты с нами вместе. Пусть знает зверь, безумный супостат, Поднявший руку черную над нами, За брата павшего — воспрянет мститель-брат, Мы пронесем сквозь грохот канонад В крови измокшее родное наше Знамя. Не бейся, мать, над горем страшным сном — Твой сын придет победой над врагом! Вы мне даете наказ быть бдительным, зорким и осторожным, я ваш наказ выполняю. Будучи в боях, я всегда помнил о вас, сдерживая себя от ненужных порывов, и победил врага и смерть. Только мысль о вас, мои дорогие мать и отец, отогнала прочь беспощадную смерть. У меня есть, как ни у кого из моих близких товарищей, боевой опыт. И впредь я следую вашему наказу, и верьте мне, я вернусь с победой. Сейчас пока ничто не угрожает жизни. Если и угрожает, то так же, как и вам, только лишь с воздуха. Не убивайтесь и берегите себя. Я пройду сквозь все испытания ради нашей встречи. Шлю свой пламенный, боевой, пограничный привет Жуковым! Жму руку другу Анатолию. Сообщите Павловым, что нет никаких причин так расстраиваться о Сереже, который живет «как у Христа за пазухой», с чего это они взяли, что за паника? Не будьте такими и вы, доходит до смешного. С приветом, Геннадий. 24.06.1942″.

«Здравствуйте, дорогие папа и мама! 18 апреля распростился со своим полком, с друзьями и товарищами, с кем работал и сражался, защищая границы и отечество. Три с лишним года прослужил я там и как ветеран заслужил почет и доверие. Но военная жизнь такова, где более нужен, там и твое место. Сейчас мое положение более благополучное. Рабочее место осталось за мной старое. Здесь находятся старые друзья, еще со школьной славутской скамьи, хорошие специалисты и неплохие товарищи. Это можно также назвать моим ростом, ибо здесь не каждому дано работать, только старые мастера своего дела. Теперь лишь по эфиру я «говорю» со своими друзьями из полка. Жалеть особенно нечего, да и чувство жалости уже выгорело в тяжелых походах. Стихи и сюда, как тени мои, дошли со мной. К Первому мая готовлюсь выступать… Писать больше не о чем, жизнь только налаживается. Живу с хлопцами в одной из украинских хат, вблизи рации. Хозяйка, что мать, старается всячески угодить сынам земли своей, а украинский народ, скажу я вам, самый гостеприимный и щедрый. Пишите мне, давно уже не получал писем ниоткуда. Шлю всем родным и знакомым свой боевой первомайский привет! 22.04.1943″.

«Дорогие папа и мама! Сегодня я пишу вам новогоднее письмо. У нас тоже, кажется, заступила зима — теплая, бледная. Стоим на Днепре, он еще не замерз.

Хорошо бы встретить Новый год в этом городе, здесь в нашем распоряжении театр, где нередко дают для нас концерты фронтовые ансамбли. И этот 44-й год мы встречаем вместе. Может быть, снова, по-солдатски, я хвачу «горькой» за нашу встречу, а может быть, в ночь привычно буду «плавать» в эфире. Я ровно в 24:00 по московскому времени, если небо будет прозрачным, выйду посмотреть на нашу Полярную звезду. Я часто ищу ее по ночам, почему-то она мне кажется родной, напоминая о родине, о нашей зиме. Существенного в моей жизни ничего не произошло, живу по-старому. Работаю так же, как всегда, обучаю молодежь. Это уже третий ученик, который будет радистом «моей школы» и, стало быть, не последним среди коллег. Здесь несколько дней назад я встретил однополчанина, бывшего нач[альника] рации полка, где я работал. С ним мы были всю войну. Я думал, больше [не] встретимся с ним, но солдатская судьба свела, будем работать вместе. А сколько разговоров о прошедших днях, о походах, о Кавказе! Вчера мы с ним написали письмо в полк. Вы просили писать вам стихи. Я это могу сделать, но не часто, ибо не все я смогу сделать достоянием вас, но постараюсь высылать печатными. В этом письме посвящаю вам новогодний стих. Вам, в ночь под Новый год! От сына. В краю отеческом моем Со смертью рядом жизнь не встала. Я знаю, снова за столом Вы соберетесь, как бывало. Обычных вереница слов В бокалах поднятых растает, И стрелка мозерских часов Свои минуты отсчитает. Вновь завершен военный год, Живыми он недаром прожит — Пусть каждый с чаркою встает За тех, кто встать уже не может. Бессмертной поступью солдат, По вражьему шагая следу, — Мы встретим громом канонад Пришедший год, как год победы. А там, надеждою дыша, Где Русь слагает нам былины, Благословляют каждый шаг Отец и мать родного сына. Врагу наш гнев не превозмочь, Наш каждый взмах увековечен. И нам предскажет эта ночь Счастливый день, родную встречу. Геннадий. 11.12.1943″.

Любовь ХУЗЕЕВА, заместитель директора Центрального государственного архива историко-политической документации РТ

Источник: http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-38289/© Газета Республика Татарстан

Тяга к литературному творчеству проявилась у Паушкина еще в юности. Первые стихи молодой пограничник опубликовал в полковой многотиражке «Двадцатилетний часовой». Во время войны стихи молодого поэта выходили на страницах газеты «Советский воин», журнала «Пограничник». Тетрадка его с 80-ю рукописных стихотворений и одной поэмой была найдена в старом окопе Одессы.

Фронтовик Паушкин – создал цикл автобиографических произведений в прозе («Эшелон», «На Кагульской заставе», «Прорыв», «Слушай мои позывные»…), по которым можно изучать ход событий Великой Отечественной.

После войны Г. Паушкин продолжил учебу в университете, одновременно сотрудничая в газете «Комсомолец Татарии» – зав.отделом литературы и искусства. С начала 50-х гг. Г.Паушкин – автор десятков очерков о тружениках республики, рассказов, повестей о войне: сборники рассказов, стихотворений, повестей, «Позабыть нельзя», «Слушай мои позывные», «Минута молчания», «Живу и помню», лирических стихотворений.

Твоя карточка

Мы ночью плыли через Дон,
Хлестал волну свинец,
Свистела смерть со всех сторон –
И думалось: «Конец!..»

Но вот уж берег недалёк,
И, сколько было сил,
В последний я вложил рывок
И смерть опередил.

Как жизни рад я был костру,
Продрогший до костей,
И, согреваясь, вспомнил вдруг
О карточке твоей.

Её носил у сердца я,
Куда б ни шёл, – с собой.
И чудо: карточка твоя
Была совсем сухой.

Гляжу – и снова узнаю
Родной овал лица…
Вот так бы ты любовь свою
Хранила до конца.

Северный Кавказ, 1942

Возвращение

Здравствуй, земля родная.
Видишь, солдат живой!
Снова у волн Дуная
Встретились мы с тобой.
Больше б не расставаться
Нам с тобой на веку.
Буйно цветут акации

Белые, точно в снегу.

Как я давно здесь не был, –
Сердце моё, скажи!
Сыплются звонко с неба
Взбалмошные стрижи.

Кланяются берёзы,
Встретившись с земляком.
Мать утирает слёзы
С детства знакомым платком.

1945

В течение ряда лет Геннадий Паушкин – собственный корреспондент «Комсомольской правды» в республиках Поволжья. С 1956 – 1968г. Г. Паушкин – консультант Союза писателей Татарии, руководитель русской секции Союза писателей республики. Геннадия Паушкина отличала многожанровость творчества: из-под его пера выходили и стихи, и очерки, и рассказы, и повести, и фельетоны, и басни в сатирическом журнале «Чаян». Писатель до конца жизни был верен военной теме: сборники «На зорьке», «Звезды не гаснут». Лирические стихи вошли в сборники «Всегда в пути», «Родные просторы». Памяти боевых друзей, с которыми автор принял свой первый бой в июне 1941, посвящена повесть «Птицы улетели». С 1957 года Геннадий Паушкин – член Союза писателей СССР. Рассказы, сборники стихов писателя выходят в центральных издательствах страны, печатаются в журналах «Огонек», «Нева», рассказ «Гости» – в газете «Известия». Образный поэтический язык поэта и прозаика, яркость его реалистических образов привлекали внимание читателей разных поколений: и молодежи, и седых ветеранов. Его произведения переведены на языки народов России. До конца жизни Г.А. Паушкин передавал свой опыт молодым авторам, был желанным гостем в студенческих аудиториях, в цехах заводов, в школах республики. Думается, настало время назвать именем Геннадия Паушкина одну из улиц города Казани.

За линией тишины. Геннадий Паушкин

Ольга Левадная

Присел отдохнуть на обочину дороги воин. Его взор направлен в сторону Казани-града. Печальная улыбка озаряет лицо Путника. Кольца дыма от папиросы, словно одуванчики, поднимаются в небо.

Трудным было его возвращение по одной из дальних дорог войны, но яркая материнская звезда указывала ему путь к Адмиралтейской слободе.

Какие очень важные слова нёс он домой на плече в своём вещевом мешке? А стихи, стихи старшины, поэта Геннадия Паушкина продолжали сражаться в старом окопе под Одессой, держа невидимую линию обороны человеческих ценностей.

Снится ли ему один бесконечный сон о счастливой довоенной жизни: озеро Кабан, где барахтался в стоячей воде у фабрики «Спартак», Георгиевская церковь на улице Свердлова, похожая на громадный пасхальный кулич под сахарной пудрой, ни с чем не сравнимый запах книг, который врезался в память с той самой минуты, как он открыл дверь библиотеки?

Пройдет ещё один день, потом ещё и ещё. Может, ночью он снова попадет в окружение своих мыслей. И по тёмной воде под кривым парусом полумесяца поплывет в белый город, освобождённый от тяжёлых цепей оккупации, а рядом с ним Ксана – всегда смелая и всегда осторожная.

И мы будем слушать их позывные за линией тишины: «Любите и помните!». И каждый раз, снова и снова подключая наши невидимые маленькие рации, мы будем отвечать им – «Помним и любим!»

2006

Писатели и поэты, которым не суждено было вернуться с фронтов Великой Отечественной войны

Муса Джалиль, Абдулла Алиш, Фатих Карим, Адель Кутуй, Нур Баян, Рахман Ильяс, Мухаммет Аблеев, Хайрутдин Музай, Александр Бендецкий, Мифтах Вадут, Аитзак Аитов, Хабра Рахман, Кашфи Басыров, Мусагит Мустафин, Шамиль Гарай, Демьян Фатхи, Мансур Гаязов, Агзам Камал, Ахмед Гимадов, Исхак Закиров, Исмагил Шафиев, Хамит Кави, Касим Вахит, Макс Гатау, Мухамметша Мамин, Мухаммат Ахметгалиев, Габдулла Галиев, Ахтям Аминов, Сулейман Мулюков, Лутфи Вали, Рахим Саттар.

Задохнулись канонады,
В мире тишина,
На большой земле однажды
Кончилась война.
Будем жить, встречать рассветы,
Верить и любить.
Только не забыть бы это,
Не забыть бы это,
Лишь бы не забыть!

Р.Рождественский

ПАМЯТЬ-НАША СОВЕСТЬ

Опять война,
Опять блокада...
А может, нам о них забыть?

Я слышу иногда:
«Не надо,
Не надо раны бередить».
Ведь это правда, что устали

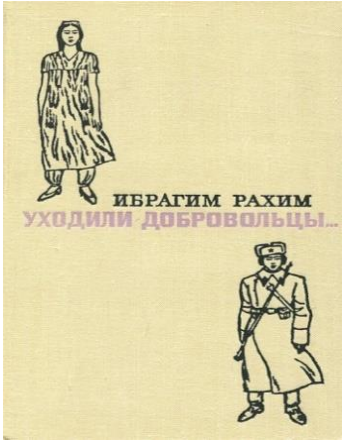
Мы от рассказов о войне
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне.

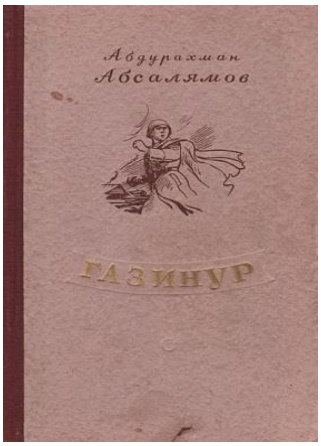
И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда –
Не права!

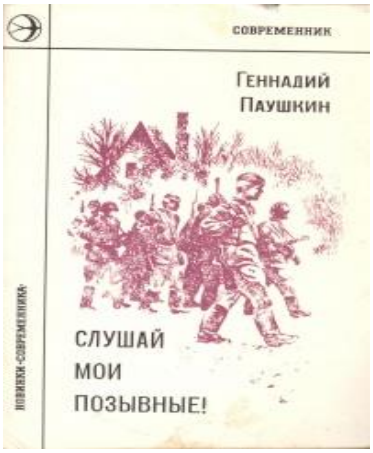
Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она,
Как сила, нам нужна

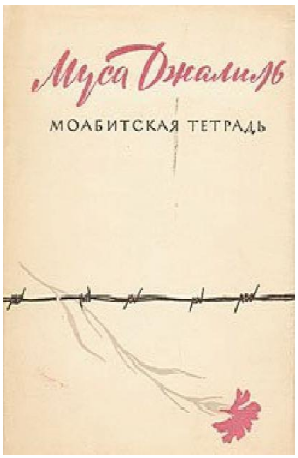
Ю. Воронов


ИБРАГИМ РАХИМ
УХОДИЛИ ДОБРОВОЛЬЦЫ...


Абдурахман
Абсалямов
ГАЗИНУР


СОВРЕМЕННИК
Геннадий
Паушкин
СЛУШАЙ
МОИ
ПОЗЫВНЫЕ!

НАБИ ДАУЛИ
МЕЖДУ
ЖИЗНЬЮ
И
СМЕРТЬЮ


Муса Джалиль
МОАБИТСКАЯ ТЕТРАДЬ

Содержание

Слово об учителе – гражданине 4
«Прошла война, прошла страда, Но боль взывает к людям: Давайте, люди, никогда об этом не забудем!» А.Твардовский 5
«Нас всех приютила Казань» Союз писателей СССР в Казани 7
«Я остаюсь на земле» Наби Даули (1910 – 1989) 18
«Я буду сокрушать врага и как поэт, и как солдат» Фатых Карим (1904 – 1945) 25
«Правда слова – вот всему основа» Заки Нури (1921 – 1994) 27
«Умирая, не умрет герой…» Муса Джалиль (Залилов Муса Мустафович) (1906 – 1944) 31
«Никто нас не поставит на колени» Абдулла Алиш (1908 – 1944) 35
«Гордым быть научила меня мать» Рахим Саттар (1912 – 1943) 40
Тоскую, Родина моя! Адель Кутуй (1903 – 1945) 50
Салих Баттал (Батталов Салих Вазыхович) (1905 – 1995) 53
Ахмет Файзи (Файзуллин Ахмет Сафиевич) (1903-1958) 55
«Погиб на боевом участке фронта» А.Г. Бендецкий, артист и поэт(1911-1943) 56
Рифмовать не сложно.Трудно быть поэтом. Сибгат Хаким (1911 – 1986) 57
Жизнь сильнее смерти Амирхан Еники (1909 – 2000) 66
«Всепобеждающий луч» Абдурахман Абсалямов (1911 – 1979) 72
Военный летчик, писатель, журналист Ян Винецкий (1912 -1989) 75
Что такое время? Ю.Белостоцкий (1922-1983) 80
«Слушай мои позывные» Г.А. Паушкин – журналист, поэт, писатель (1921 – 2007) 85
Писатели и поэты, которым не суждено было вернуться с фронтов Великой Отечественной войны 93
Содержание 96

Память о них не померкнет

Тираж 200 экз.
Отпечатано в информационно-методическом отделе
Управления образования ИКМО г.Казани
420111, г.Казань, ул.Б.Красная, 1, тел.292-26-12